

Рафаэль Дамиров

ЗОНА МОЛЧУНОВ

Рафаэль Дамиров
Обитель выживших. Том 2
Серия «Обитель выживших», книга 2

<https://litres.ru/73952271>

SelfPub; 2026

Аннотация

Люди перестали быть людьми. Они не говорят, не чувствуют боли, не ищут еды. Только идут на любой звук и убивают. Их называют молчунами, и никто не может объяснить, что произошло. Нет вируса, нет привычного заражения. Есть лишь пустые города, страх и новое правило: чем тише ты себя ведёшь, тем дольше проживёшь.

Максим Беркутов, опытный оперативник, спасает случайных людей и собирает вокруг себя выживших. Его группа сталкивается с бандами и полчищами молчунов, шаг за шагом продвигаясь к разгадке происходящего. Они пытаются остановить «тишину».

Но вскоре становится ясно: у этой катастрофы есть источник. И тот, кто стоит за ней, опаснее любых мародёров и самих молчунов.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	23
Глава 3	41
Глава 4	57
Глава 5	83
Глава 6	97
Г	115
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Рафаэль Дамиров

Обитель выживших. Том 2

Глава 1

Нагруженный пикап подкатил к даче, и я ещё с дороги почувствовал что-то подозрительное. Слишком было тихо.

— Что-то здесь не так, — проговорил я, останавливая машину и глуша мотор.

Схватил ружьё, вылез, осмотрелся. Искра молчала, сжимая в руках битую. После того, что случилось в городе, она и слова пока что не сказала. Только посмотрела на меня, когда я обозначил, что понимаю её поступок. Вова, в конце концов, подставил нас первым.

Я пошёл в дом, стараясь не слишком волочь ногу, Искра брела за мной. Внутри никого, только Мастер на диване. Бледный и абсолютно неподвижный. Мне на секунду показалось, что он уже умер, даже сердце сжалось, но нет, грудь бармена еле заметно поднималась, значит, дышит. Я осторожно тронул его за плечо, он открыл глаза.

— А где все? — спросил я.

— Не знаю, — ответил он. — Я уснул.

— Потерпи минуту, мы привезли обезбол.

Ефима и Филина и вправду видно не было. В душу закра-

лось тревожное предчувствие, и я уже знал, что оно подтвердится, но все же надеялся, что ошибаюсь.

Я вышел на крыльцо, и тут на соседнем участке зашуршали кусты. Я вскинул ружьё.

— Свои, — прохрипел Ефим, продираясь сквозь малинник на территорию дачи. В руках у него была двустволка, лицо красное, борода в паутине.

— Что случилось? — спросил я.

— Да этот ваш убёг, кажись, — Ефим сплюнул и утёр рот рукавом. — Ну, как ты и предполагал. Собрал весь свой боекомплект, рюкзак набил консервами, сказал, что пойдёт на обход территории, обследует дачный массив. И до сих пор нет. Я пошёл пошукать, может, помощь какая нужна, может, и взаправду на обходе, но умом-то понимаю — не ходят на такое дело с рюкзаком, полным хабара.

— Вот сука, — процедил я.

— А где Вова? — встрепенулся старик.

Искра опустила глаза и уставилась в землю.

— Не его сегодня день, — сказал я. — Нет его больше.

— Ясно, — Ефим покачал головой. — Главное, что вы живы. Нельзя так говорить, а я скажу.. С того малахольного проку все равно не было... Неможно, конечно, так судачить, но он бы вас подвёл, шибко подвел... случись что. Пусть уж лучше так, чем...

— Он нам жизнь спас, — сглотнув, еле слышно проговорила Искра. — Ценой своей жизни.

— Эвон как, — удивился Ефим и крякнул. — Ни за что бы не подумал. Как это он смог?

— Давайте не будем об этом, — сказал я, и интонация у меня вышла жёстче, чем хотелось.

— Добро... Понимаю, — кивнул, нисколько не обидевшись, Ефим.

Мы разгрузили пикап, укрыли машину в сарае. Вошли в дом. Искра дала обезболивающее Мастеру, напоила его водой, подоткнула одеяло. Руки у неё больше не тряслись.

* * *

Набрав полный рюкзак консервов и прихватив карабин, Филин покинул дачный участок задолго до того, как вернулся пикап. Шёл быстрым шагом по заросшей тропинке между участками, и кусты малины всё цеплялись за рюкзак, тянули назад, словно пытались удержать.

«Похоже, старик мне не поверил, — думал Филин, перехватывая ремень карабина поудобнее. — Ну и хрен с ним. Пускай сидят. Я не собираюсь подышать из-за какого-то бармена, которого нельзя перевозить. Пускай возятся с ним сами, пускай строят заборы, играют в семью. Мне это всё на хрен не сдалось».

Домик он нашёл быстро — третий участок от края, там же железный гараж-контейнер, в котором и стояла заprimeченная ещё вчера «Нива». Идеальная машина для нынешних условий: высокий клиренс, полный привод, неприхотливый

мотор, запчасти вообще подойдут от любого автохлама.

Филин готовился к уходу давно и основательно. Много у него было припасено. Канистра с бензином, слитым из окрестных брошенных машин. Топор. Одежда, набранная по дачным домикам. Керосиновая лампа, несколько банок тушёнки, фляга с водой и радиоприёмник на батарейках, прихваченный на одной из вылазок, — хватит устроить фоновый шум хотя бы на ночь, а там видно будет.

Филин завёл машину и тронулся. Узкая дорожка между участками заросла малиновыми кустами, продавившими щели в заборах, и ветки скребли по бокам «Нивы», царапая краску. Он не знал точной дороги, но был уверен, что стоит выйти из дачного посёлка на трассу — и вперёд, из города. Не могут же эти головорезы с чоповскими нашивками на плечах перекрыть все выезды. Они держат главную дорогу, но есть и другие.

Просёлочные, грунтовые, через лес, через поле. Выскочить, вывернуться.

Дачные домики стали редеть. Пошли заброшенные участки, поваленные заборы, полусгнившие теплицы с рваной плёнкой. Когда-то здесь кипело хозяйство, зеленели грядки с колышками, а потом люди решили, что проще купить всё в магазине, чем горбатиться на огороде, и чуть ли не весь массив зарос бурьяном.

Разросшийся куст и поваленный ветром забор перегородили дорожку. Филин мог бы объехать, но поленился, нада-

вил на газ и полез напролом. Под колёсами захрустели доски. А потом машина просела, руль потянуло вправо, и из-под днища послышалось злое шипение.

Филин выругался, вылез и присел у переднего колеса. Гвоздь. Старый ржавый гвоздь-сотка, торчавший из доски, вошёл в покрывку по самую шляпку.

— Вот сука, — рыкнул он на себя. — Какой я дурак, по старым доскам попёр, там же гвозди.

Благо запаска была. Домкрат, балонный ключ — полный комплект для замены колеса. Филин приподнял машину, открутил гайки, снял пробитое колесо и потянулся за запаской. И замер.

Посышался шорох. Вернее, множественные шорохи, словно по грунтовке шлёпало босиком много людей одновременно. Вряд ли это была компания дачников. Филин медленно опустил запаску на землю, подхватил карабин и выпрямился.

По дороге, ведущей к дачному посёлку, из полей двигалась огромная стая молчунов. Филин таких ещё не видел — раздетая толпа тянулась от горизонта, и конца им не было видно. Он присел за «Нивой», вжался в борт и прижал карабин к груди. Стая шла мимо, и если повезёт — пройдёт, не заметив.

Он поднёс к глазам бинокль и замер. Среди голых молчунов довольно резко выделялись двое в грязной изодранной одежде. Черт побери, в одежде! Это люди? Но как?!

Он навел бинокль, присмотрелся. Оба крепкие, плечистые, и двигались они совсем иначе — как-то целенаправленнее, словно знали, куда идут.

Хуже. Будто вели за собой всю эту орду.

— Какого лешего? — прошептал Филин.

Он навёл бинокль на лицо ближайшего. Взгляд пустой, рот приоткрыт, но в глазах всё-таки не было той тупой мути, как у остальных тварей. Там было что-то другое, хищное, словно перед Филином стоял вожак стаи, зверь, привыкший вести за собой остальных.

Второй одетый был похож на первого. Оба вдруг остановились. Тот, что шёл впереди, поднял голову, повёл ею из стороны в сторону, словно ловил ветер носом, и замер, повернувшись в сторону «Нивы». Принюхался.

Филин не раз бывал на охоте и знал, что к хищнику нужно подбираться с подветренной стороны. А он стоял как раз с наветренной, и ветер нёс его запах прямо на стаю.

Но ведь молчуны всегда приходят на шум?

Вожак издал звук. Низкий утробный рёв, не похожий ни на что, ни на одно животное и уж тем более на крик человека. От этого звука у Филина по всему телу побежали мурашки. Несомненно, это был сигнал. Стая замедлилась, а вожак развернулся и пошёл прямо к «Ниве», ускоряясь с каждым шагом.

— Сука, учуял, — Филин вскинул карабин, прицелился и потянул спуск.

Бах!

Вожак дёрнулся и рухнул лицом в землю. Второй одетый замер на секунду, повёл головой и тоже двинулся к машине. Филин прицелился, но тварь нырнула за кусты, и пуля ушла в пустоту.

Стая пришла в движение. Сотни голых тел развернулись в сторону выстрела и хлынули вперёд, словно прорвалась плотина. А тот, что упал после выстрела, вдруг поднялся.

Филин опрометью бросился в заросли бурьяна. Затем, пригнувшись, стал продираться назад, в сторону дачного посёлка, подальше от стаи. Рюкзак бил по спине, оттягивал плечи, мешал бежать. Филин скинул лямки и зашвырнул рюкзак в кусты — нельзя оставлять запахов, хищники идут по его следу, и хищники эти — не голозадые твари, а те двое в одежде, вожаки.

Мысль о том, что вожаки чуют людей по запаху и управляют стаей, была настолько жуткой, что Филин впервые в жизни ощутил дикий страх. А что, если у них сохранились остатки разума? Значит, они вычислят тех, кто прячется в дачном домике. Вычислят мгновенно. Ну и хрен с ними... Своя рубашка ближе.

Он припустил быстрее. Петлял и петлял. Так... Через несколько минут такого бега он отдышался, огляделся. Куда теперь? Пешком передвигаться было опасно, и нужно было укрытие, подземное, глубокое, где запах человека не просочится наверх. И тут он вспомнил про погреб. Ефимов по-

греб, то что надо. Он был глубокий, с каменной кладкой и тяжёлым железным люком.

Выругавшись, Филин развернулся и побежал к дачному домику Ефима.

* * *

Закончив с разгрузкой, я вручил пачку сигарет Ефиму. Мы вышли на крыльцо, старик закурил, затянулся и прищурился.

— Не верю я, что тот малахольный сгеройствовал, — сказал он, выпуская дым.

— Правильно делаешь, — ответил я. — Не задавай больше этих вопросов. Искре и так тяжело.

— Вижу, — Ефим затянулся снова. — Ну, если она сказала, что он герой, значит, герой.

— Значит, так и договорились.

Ефим помолчал, покрутил сигарету в пальцах и посмотрел на меня пристально, по-стариковски, снизу вверх.

— Хороший ты человек, Максим Беркутов, — проговорил он. — Вот даже не пойму. Но что-то в тебе не то. Современный человек — другой, он больше за себя. А ты как будто из другого теста. Из моего времени, из моего поколения.

— Да обычный я, отец, — усмехнулся я. — Просто пришлось всю жизнь оружие держать и за боевых товарищей отвечать, вот и привык. И потерял немало этих товарищей.

— Извиняй, если не так ляпнул, — кивнул Ефим, и в его

пытливых глазах мелькнуло понимание.

Из кустов раздался треск, и мы схватились за оружие. Но к нам вывалился не молчун — на участок ворвался Филин, весь взъерошенный, с налипшим на одежду репейником, с карабином наперевес.

— Там! — задыхаясь, проговорил он, — стоя молчунов. Огромная, как чертово море. Не видно конца и края.

— В дом, — скомандовал я. — Укроемся.

— Нет, нет! — Филин замотал головой. — Ими вожаки управляют. Двое в одежде. Они чувствуют людей, как собаки. Вмиг нас здесь вычислят.

— Какие вожаки? — нахмурился я.

— Хрен знает! Новый подвид или что-то типа того, — Филин говорил быстро, сбивчиво, и в глазах у него стоял настоящий страх, первый раз я видел его таким. — Я одного подстрелил, второй укрылся, будто понял. Но и первый поднялся. Стоя идёт сюда. Нужно прятаться. Или уходить.

— Уехать не можем, — сказал я. — У нас Мастер. И на ночь глядя по городу — самоубийство, там сейчас тварей... кишмя кишит.

— Погрузим его аккуратненько и уедем, — предложил Филин. — Двигать надо.

— Куда? На ночь глядя, по улицам, забитым молчунами? А бросать столько припасов, что мы сегодня набрали? Нет. В погребе можно укрыться. Он глубокий, и если люк закроем плотно — запах не просочится наверх.

— За это ручаешься? — Филин посмотрел на меня, и в его взгляде была надежда, какой я от него раньше не видел.

— Гарантий нет, — честно ответил я. — Но других вариантов у нас не имеется.

Мы принесли крепкий плед, переложили на него Мастера. Тот стиснул зубы и побелел, но не застонал — крепкий мужик. Вчетвером перенесли его в сарай, где находился вход в погреб, и спустили по ступенькам вниз. Погреб у Ефима был основательный, с каменными стенами и земляным полом, и спуститься туда можно было по полноценной лестнице, по ступенькам.

Мастера уложили на ворох сена, набранного с соседних участков, и накрыли одеялами. Перетаскали вниз самое ценное из припасов. Воду, аптечку, фонари, оружие.

— На люк мы набросим брезент, — начал я, но Филин перебил:

— Нет. Эти твари, вожаки, они умные, зуб даю, поймут, что брезент кто-то положил. Надо что-то другое.

— Поленица, — сказал я. — Завалим люк дровами. Сложим поленицу прямо на него.

— А как? — недоумевал Ефим. — Кто-то должен тогда остаться снаружи.

— Никого оставлять не будем. Подложим кусок брезента под дрова, веревку приладим, спустимся, потянем — поленица съедет на люк. Захлопнем его изнутри, а сверху дрова. Никому в голову не придёт, что под ними вход в подземелье.

— Хитро, — кивнул дед.

— Молодец, Макс, — тихо проговорила Искра.

Это было первое слово, сказанное ею за последний час.

Так и сделали. Работали быстро, складывали дрова, протягивали верёвку, проверяли конструкцию. Потом спустились вниз, я потянул за верёвку, и поленница с грохотом обрушилась на железный люк. Берёзовые поленья загремели по металлу, и я задержал дыхание, прислушиваясь. Не знаю, как это выглядело сверху, но я надеялся, что естественно: сарай, разбросанные дрова, завалившаяся поленница, больше похожая на кучу, и никаких следов входа в подземелье. Изнутри же мы привязали люк на цепь.

Включили фонарь. Белый конус света высветил серые стены, ряды банок с соленьями на полках, ящик с картошкой.

— Холодно, — сказала Искра.

Её и вправду потряхивало, но, как мне показалось, не только от холода. Она всё ещё не отошла от того, как нам пришлось бежать с городских улиц. Тёплую одежду мы успели набрать, так что сейчас натянули на себя, что могли — кофты, куртки.

— Теперь надо сидеть тихо, — сказал я. — Как минимум до утра.

Искра снова дала обезболивающее Мастеру, напоила водой. На газовой плитке с маленьким баллоном вскипятили чай.

— А ты ведь хотел нас бросить, — сказал я, обращаясь к

Филину. — С рюкзаком ушёл, с припасами.

— Ушёл, но вернулся же, — пробурчал тот.

— Потому что сам влип, — прокряхтел Ефим. — Понял, что один против стаи не выстоишь. Вот и вернулся.

— А если и так, — Филин поднял на него тяжёлый взгляд, — что, прогоните меня? Между прочим, я вам жизнь сейчас спасаю. Где-то там наверху идёт огромная стая, и без моего предупреждения вы бы сейчас лежали на этом крыльце с разодранными глотками.

— Ну спасибо, благодетель, — буркнул Ефим. — Удружил.

— Прекратите, — глухо проговорила Искра.

Голос у неё был надломленный, но все замолчали и повернулись к ней.

— Мы должны держаться вместе и не ругаться. Нас и так становится всё меньше. А сегодня я... убила своего первого...

— Молодец, дочка, — начал Ефим.

— Нет! — вскрикнула Искра, и все вздрогнули. — Не молчуна. Человека. Вову!

Стало тихо. Даже Филин, никогда не лезший за словом в карман, молчал, сжимая губы.

— Что ты такое говоришь? — наконец, выдавил он.

— Успокойся, — я погладил Искру по плечу. — Не надо.

— А я хочу! — она дёрнула плечом, сбрасывая мою руку. — Хочу всё сказать, не могу держать в себе. Я убила Вову,

чтобы спасти свою жизнь. Ударил его битой по ноге, когда нас догоняли молчуны. Он упал и кричал... Эти твари набросились на него, и пока они были заняты, я смогла спрятаться и вернуться за Беркутом.

— И не только свою жизнь ты спасла, — сказал я. — Ты ещё помогла мне. Я до сих пор хромаю, и без тебя я бы оттуда не ушёл. А он ещё раньше свалить собирался.

— От этого мне не легче, — проговорила Искра, сглатывая слёзы. — Я теперь убийца. Чем я лучше этих тварей? Чем?! Скажите мне...

Никто не ответил. Ефим подвинулся к ней и подставил плечо, и девушка прижалась к нему, вцепившись в его старую куртку, и зарыдала. Он гладил её по голове, как гладят ребёнка, и тихо говорил:

— Ты правильно поступила, дочка. Пожертвовала одной жизнью, чтобы спасти две, а может, и больше. Сколько людей ты ещё спасёшь, и Беркут... пока мы вместе.

— Может, надо было всем сдохнуть? — она оторвала голову от его плеча, и глаза у неё были красные и яростные. — Тогда бы сразу не мучились. Зачем жить в этом мире? Зачем?

— Ты это брось, дочка, — Ефим покачал головой. — Жизнь Богом дана, не тебе решать.

— Вот именно, что Богом, а я её забрала, — прошептала Искра.

Утешить её сейчас было невозможно, так что я просто

протянул ей кружку чая. Она выпила очень быстро, фыркнула, поморщилась и затихла.

И тут сверху послышались шаги. Много шагов. Сотни, тысячи босых ног шлёпали по земле, и стены погребца начали мелко подрагивать от этой чудовищной поступи.

— Вот они, — прошептал Филин. — Пришли.

Я впервые видел его по-настоящему испуганным. Крепкий мужик, битый жизнью, прошедший и огонь и воду, но то, что он увидел наверху — стоя без конца и края, ведомая разумными тварями, — проняло его до костей.

Мы сидели в темноте, выключив фонарь, и слушали, как над нашими головами идёт орда. Земля подрагивала. С потолка сыпалась мелкая крошка. Стекланные банки с соленьями мелко позвякивали друг о друга.

Искра прижалась ко мне, и я почувствовал, как она дрожит. Ефим беззвучно шевелил губами — может, молился, а может, проклинал. Филин сжимал карабин и не дышал. Мастер лежал в своём углу на ворохе сена, и глаза у него блестели в темноте.

Никто не произнёс ни слова.

— Надеюсь, мы доживем до утра... — прошептала Искра.
— Я жить хочу...

* * *

— Тише, тише, они услышат, — отец Дионисий прижал Кирюху к себе и ладонью закрыл ему рот.

Вагончик трясся и дрожал. Снаружи по железным стенкам скребли десятки рук, и звук этот напоминал скрежет мела по школьной доске, только во много раз громче и неизмеримо страшнее. Часть стаи, прошедшей через дачный посёлок, занесло на стройку, и молчуны облепили вагончик, словно муравьи — мёртвую гусеницу. Учуяли там внутри людей.

Один из них разбил маленькое зарешёченное окошко и попытался протиснуться внутрь — голая рука, с которой капала кровь, просунулась между прутков, скрюченные пальцы шарили по стене, по обшивке, скребли и царапали. Но прутки были толстые, и тварь не пролезала, она билась в решётку и со звериным остервенением рвала ржавые прутки, раскачивая их. Рядом появилось второе лицо — искажённая грязная морда с разъявленным ртом, и эта тварь тоже вцепилась в решётку и дёргала, дёргала, дёргала. Крепление одного из прутков вдруг лопнуло.

Дверь ходила ходуном. Петли скрипели, одна доска уже треснула, и в щель просунулась грязная рука, окровавленная, со сломанными ногтями. Она шарила внутри вагончика, и Кирюха закричал так, что у Дионисия заложило уши.

— Они уже здесь! — захлёбывался малец. — Они нас сейчас разорвут! Сделай что-нибудь! Ну, возьми хоть эту кувалду!

Дионисий посмотрел на кувалду, лежавшую у стены, и на Кирюху, вжавшегося в угол. Встал. Поднял кувалду, хотя руки тряслись так, что он едва не выронил её тут же, себе же

на ноги. Подошёл к окошку, заглянул наружу и отпрянул.

Голые тела – не один, не двое – лезли одно на другое, и все тянулись к оконцу, к живым людям внутри.

— Даже если я попробую тебя защитить, — проговорил Дионисий, сглатывая, — их слишком много. Боюсь, мне не справиться.

Он повернулся к Кирюхе. Мальчик сидел в углу, обхватив колени руками, и мелко трясся. Слёзы текли по его грязным щекам, и он даже не пытался их вытирать.

— Господи Боже, — прошептал Дионисий, — я не воин. Я не могу их остановить. Ты видишь, Господи, я пытался. За его душу прошу Тебя, убереги, дай мне силы хоть одного забрать с собой, хотя бы одного, чтобы не зря мы погибли.

Кирюха посмотрел на него снизу вверх, и в глазах мальчика было такое, от чего у Дионисия сжалось горло.

— Они ведь нас разорвут, да? — спросил Кирюха. — Живём?

— Я не дам, — сказал Дионисий, и голос его вдруг стал ровным и спокойным, словно он принял самое страшное решение в жизни. — Я могу... избавить тебя от мучений. С Божьего позволения. Один удар, и ты ничего не почувствуешь.

— Ты хочешь меня убить? — прошептал Кирюха.

— Только с твоего согласия. И только как избавление. Грех я возьму на себя, перед Господом отвечу я, а ты будешь... свободен.

Дверь затрещала. Ещё одна доска лопнула и отлетела в

сторону. В образовавшуюся щель полезли сразу две руки, шаря по сторонам. Вагончик накренился и со скрежетом качнулся на раме.

— Да! — закричал Кирюха, закрывая лицо руками. — Я даю согласие! Лучше убей меня! Не хочу, чтобы они ворвались! Мне страшно!

Священник поднял кувалду. Руки больше не дрожали. Он посмотрел на мальчика, на его зажмуренные глаза, на грязные щёки в слезах, на маленькие кулаки, прижатые к вискам.

— Прими, Господи, душу раба Твоего Кирилла, — еле слышно проговорил Дионисий. — Прости ему вольные и невольные прегрешения, даруй ему Царствие Небесное. И прости меня, грешного, за то, что я сейчас сделаю. Не по злобе, Господи, а по милосердию. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

Он замахнулся. И замер. Кувалда зависла.

Кирюха зажмурился так крепко, что из-под век выдавились последние слёзы. Они скатились по его щекам и упали на грязный пол вагончика.

— Ну же, бей, скорее, — бормотал мальчик. — Бей!

И тут снаружи раздался глухой хруст. Потом ещё один — тяжёлый, мокрый удар, от которого что-то лопнуло. Молчуны прекратили ломиться в вагончик. Тот, что лез в окошко, раздирая прутки, вдруг обмяк и сполз вниз, и его скрюченные пальцы разжались. Второй тоже отпрянул от решётки.

Снова удар. И ещё один. Звук был такой, словно кто-то

бил по арбузам.

— Господи, — прошептал Дионисий и медленно опустил кувалду. — Кто-то там есть. Ты слышал меня, Господи. Спасибо Тебе, спасибо.

Дверь, державшаяся на последних петлях, рванулась наружу. Кто-то с силой дёрнул её, и она распахнулась, едва не слетев с петель. В проёме, заливаемый вечерним светом, стоял Кнут.

Руки по локоть в крови. Роба вся забрызгана. В правой руке — арматурный прут, и на нём висели бурые ошмётки. Лицо залито потом и чужой кровью.

— Ну, — сказал Кнут, переводя дыхание. — Как вы тут без меня? Нельзя вас, смотрю, надолго оставить.

За его спиной на земле валялись трупы молчунов с разбитыми головами. Пять, шесть, семь тел — Дионисий не считал, потому что глаза у него затуманились от слёз, и он только стоял с опущенной кувалдой и не мог вымолвить ни слова.

— Дядя! — Кирюха сорвался с места и бросился к Кнуту. — Ты вернулся!

Он вцепился в Кнута обеими руками, обнял и крепко прижался к нему, и ему было всё равно, что тот весь в крови.

— Ну-ну, — пробурчал Кнут. — Что за мокрые дела ты развёл? Братва не плачет.

Голос у него был необычно глухой и сиплый, и он положил тяжёлую ладонь мальчишке на затылок, неуклюже, как тогда, при прощании, только теперь не отдёрнул, а придержал.

— Я думал, ты нас бросил, — всхлипывал Кирюха, не отпуская его.

— Я вообще-то вам продукты принёс, — Кнут наклонился.

Можно было подумать, что он примется отцеплять от себя мальчишку, но Кнут подхватил с земли белый пакет и поставил его на пол вагончика. С его рук стекала и бежала по пакету тонкими дорожками кровь.

Дионисий разжал пальцы, кувалда звякнула о пол. Руки мелко дрожали.

— Я молился, — сказал он Кнуту. — Молился, и Господь вернул тебя.

— Говорю же... за едой ходил... — голос Кнута дрогнул.

Глава 2

Утро в лагере «Буревестник» началось, как всегда, с построения и переклички. Легионер с автоматом на плече зачитывал фамилии с мятого листка, и пленные выкрикивали «здесь», пока не дошёл до одной фамилии, на которую никто не откликнулся. Рабочий из четвёртого барака встать не смог — лежал на нарах, серый, мокрый от пота, с температурой под сорок.

Лиля узнала об этом через десять минут, когда двое рабочих не слишком ласково притащили несчастного в медпункт на одеяле, потому что сам он идти не мог. Она осмотрела его, ощупала, померила температуру ртутным градусником. Жар, ломота в суставах, сыпь на шее и предплечьях. Что именно — без анализов не разберёшь, но что-то инфекционное, это точно.

Она тут же пошла с этой новостью к Тимуру.

Тот сидел в административном здании, в кабинете бывшего директора лагеря, за широким столом, явно не здешним, видно доставленным откуда-то с вылазки.

— Нам нужно изолировать таких, — сказала Лиля, стоя перед столом и сцепив руки за спиной, чтобы Тимур не видел, как они дрожат. — Они разнесут инфекцию по всему лагерю. Один больной в бараке, где живут ещё много людей, — это через неделю десятки больных, а через две — насто-

ящая эпидемия.

— Делай своё дело, работай, — Тимур даже не поднял глаз от стола, где лежала карта окрестностей, исчёрканная красным маркером. — Людей у нас пока хватает. Незачем держаться за слабых. Выживут всё равно только сильнейшие.

— И всё же, — Лиля сделала шаг вперёд и заговорила тише, потому что знала: Тимур лучше слышит тех, кто говорит тихо, любой спокойный голос его настораживал. — Если пойдёт инфекция, заразятся и легионеры. И вы тоже.

Тимур поднял глаза. Смотрел на неё секунды три, потом кивнул.

— Ладно. Соорудим отдельный домик из щитов и фанеры. Для таких.

«Для таких», — повторила про себя Лиля, выходя из кабинета. Не «для больных», не «для нуждающихся в помощи». Для таких. Словно речь шла о бракованных деталях, которые нужно отложить в сторону, чтобы не мешали конвейеру.

На построении легионер с автоматом зачитал список сегодняшних работ, распределил, кто куда, по фамилиям. Потом объявил, кто идёт на вылазку с отрядом добытчиков. Двое из гражданских — те, кто активнее всех доказывал свою лояльность Легиону, — были включены в группу. Одним из них оказался Марк.

Рыжий парень стоял теперь в строю и еле сдерживал радость. Губы расплзались в улыбку, и он то и дело одёргивал

себя, но улыбка лезла снова. Ему даже выделили утренний паёк в столовой — не как рабочим, у которых первая кормёжка была только в обед, а по норме «Альфа», с тушёнкой и хлебом.

Марк взял поднос и подсел за столик к семье Бориса. Борис, Лиля и Кира ели молча, и появление рыжего никого из них не порадовало.

— Слышали? — Марк поставил поднос с таким видом, словно принёс олимпийскую медаль. — Меня взяли в группу добытчиков. Теперь я один из легионеров.

Кира посмотрела на него с нескрываемым презрением, и Марк под этим взглядом чуть сдулся, но тут же снова расправил плечи.

Лиля же предусмотрительно промолчала.

— Если ты станешь одним из них, — буркнул Борис, не отрываясь от миски, — то больше не садись к нам за стол.

— Вы не понимаете, — проговорил Марк, подавшись вперёд. — За ними будущее. За ними сила. Вернее, почему «за ними»? — он хитро улыбнулся. — За нами. Теперь я один из них. Сегодня я пойду на вылазку, мне дадут оружие, а потом, возможно, и форму, и нашивку... — он мечтательно закатил глаза, — а потом я перееду в отдельный корпус для легионеров.

— Ты, видимо, совсем тупой, — прямо проговорил Борис. — Они никогда не сделают тебя своим. Ты им сейчас нужен лишь для того, чтобы рисковать жизнью, добывая припасы.

Не сами же они будут подставляться. Ведь не зря из этих вылазок возвращаются не все. И заметь — добровольцы типа тебя погибают там чаще, чем сами легионеры.

— Да ерунда это всё, — отмахнулся Марк. — Просто они неумелые. А я схватываю всё на лету. Вот увидите, я далеко пойду.

— Ну вот и шёл бы ты далеко, — хмыкнул Борис. — Прямо сразу.

— Чего? — Марк уставился на него, не сразу поняв.

— Я говорю: иди отсюда, — Борис отложил ложку и посмотрел на Марка тяжёлым взглядом.

— Слышь, мужик, — прошипел Марк, и шея у него пошла красными пятнами. — Ты как разговариваешь с легионером?

— Ты пока что хрен в стакане, а никакой не легионер. Римлянин, блин.

— Я тебе это припомню. Как только мне дадут форму и...

Договорить он не успел. Борис, не вставая даже со стула, коротко ударил его в нос. Марк завалился на спину, падая со стулом, и схватился за лицо. Между пальцев потекла кровь.

Набежала охрана.

— Что здесь происходит?

— Он поднял руку на одного из ваших! — крикнул Марк, тыча окровавленным пальцем в Бориса.

— Не гони, — буркнул один из легионеров, глянув на Бориса и на самого Марка, лежавшего на полу. — Ты пока что

не один из нас. Ты ещё должен сегодняшней вылазкой доказать, на что способен.

— Я докажу, докажу! — горячо затараторил Марк, поднимаясь и прижимая ладонь к носу. — А потом, потом вернёмся к нашему разговору, — он зло зыркнул на Бориса.

— Ну-ну, — хмыкнул тот и вернулся к своей похлёбке из тушёнки.

* * *

На вылазку за припасами отряд добытчиков выдвинулся сразу после завтрака. Легионеры были одеты в плотный камуфляж, у некоторых на руках тактические перчатки, все вооружены. С ними шли двое в обычной одежде — Марк и ещё один парень по имени Сергей, здоровый, широкоплечий, судя по фигуре, в недавнем прошлом серьёзный спортсмен. Он тоже рвался доказать свою нужность и лояльность Легиону, и даже убедительнее Марка.

Марк с неудовольствием заметил, что Сергей гораздо крепче и собраннее, и тревожная мысль засела в голове, как заноза: что если возьмут Сергея, а его нет? Рыжий не отличался богатырским сложением, выносливости ему тоже не хватало, да и умом он не блистал. И сам это понимал, хотя признавать вслух не стал бы.

Выехали на двух потрёпанных внедорожниках с экспедиционными багажниками на крыше. Тимур отдал приказ раздобыть продукты, топливо для машин и генераторов, а также

антибиотики по списку Лилии. Продуктовый склад в «Буревестнике» был ещё полон, но Тимур понимал, что запасы истощатся быстро, и пополнять их нужно было впрок, с заделом на будущее, потому что мелкие группы людей и банды, бродившие по городу, тоже делали набеги на магазины, и через некоторое время там ничего не останется.

Командовал группой легионер по прозвищу Леший — поджарый мужик с колючей недельной щетиной и пронзительным взглядом. Судя по тому, как он носил разгрузку и держал оружие — бывший военный. В руках у него был боевой «калаш». Где он его добыл, Марк не спрашивал.

Внедорожники не слишком скоро, но всё же неизбежно упёрлись в затор из машин на подъезде к торговому кварталу.

— Дальше пешком, — скомандовал Леший. — Работаем тихо. Стрелять только в крайнем случае, не привлекать тварей.

Легионеры вооружились топорами, арматуринами, монтировками. Марку вручили обычный железный прут, и он разочарованно повертел его в руке.

— А можно мне ствол?

— Не заслужил пока, — отрезал Леший.

Сергею выдали увесистый разводной ключ. Леший вооружился армейским ножом. Двинулись, обходя заторы. Кое-где на тротуарах и между машинами валялись трупы людей в одежде — тех, кого разорвали молчуны в первые дни. Марк

старался не смотреть, но всякий раз, когда его взгляд всё-таки соскальзывал на очередное тело, он представлял себя на его месте. Особенно вот этот труп — у парня тоже были рыжие волосы, и Марку стало настолько не по себе, что он сбился с шага, почти что замер на несколько секунд.

В группе это сразу заметили.

— Чё, зассал, рыжий? — хлопнул его по плечу Сергей, шагавший рядом.

— Да нет, — буркнул Марк. — Просто воняет.

Дошли до супермаркета на углу. Внутри всё было перевёрнуто и разграблено, полки совсем пустые, на полу — разве что осколки стекла и размазанные кровавые следы от босых ног.

— Черт, — сплюнул Леший. — Тут уже всё растащили. Нужно углубиться дальше в город.

Быстро осмотревшись, отряд вышел из магазина. Из-за перевёрнутого мусорного контейнера выскочила голая тварь. Никто даже не понял, откуда она появилась, — мгновение назад там было пусто, и вдруг молчун уже кидался на группу, раззявив рот, растопылив скрюченные пальцы. Один из легионеров замахнулся прутком, но тварь сбила его с ног раньше, чем он успел ударить. В следующую секунду молчун оторвался от него и кинулся на другого. Второй легионер рубанул тварь топором по плечу, рассёк до кости, но молчун даже не обратил внимания, повалил его на землю и вцепился пальцами в лицо, давя на глазницы. Легионер заорал, вы-

гнулся дугой, пытаюсь скинуть с себя тварь.

— Твою мать, тише ты! — рявкнул Леший.

Но ждать больше не стал, подскочил к молчуну и ударил ножом. Раз — под челюсть, два — в висок, три — в глазницу. Каждый из этих ударов был смертельным, но Леший отработал все три, чтобы наверняка и с запасом. Молчун обмяк и сполз на асфальт.

Легионер, которому голый всё-таки успел по-звериному сильными пальцами выдавить глаза, лежал на спине и орал, зажимая лицо руками. Кровь текла между пальцев и заливала шею. Леший нагнулся к нему, прижал ему ладонь ко рту, заглушая крик, и тихо сказал:

— Тихо ты, тихо. Спокойно. Мы тебя заберем...

И тут же коротким движением воткнул ему нож в сердце. Легионер дёрнулся и затих.

Наступила тишина. Даже легионеры, выдавшие всякое, молчали. Потому что на месте этого убитого мог оказаться любой из них, и каждый это понимал чётко и ясно.

— Нас слышали, — сказал Леший, вытирая нож о штанину убитого. — Возвращаемся к машинам, уходим. Вылазка испорчена.

— Да никого же нет, — возразил Марк. Ему хотелось хоть как-то отличиться, и хотя голос его подрагивал, самому ему казалось, что он выглядит смелым. — Смотрите, пусто, никто не услышал.

— Здесь я приказываю, рыжий, — Леший посмотрел на

него так, что Марк осёкся. — Ты понял?

— Да, да, конечно, — торопливо закивал Марк. — Но нет же нико...

Он поднял глаза и замолчал на полуслове. В дальнем конце улицы из-за разбитого ларька показалась стоя молчунов, и они уже бежали к группе, раскачиваясь, разевая рты.

— Никого нет, говоришь, — хмыкнул Леший. — Уходим, я сказал. Бегом.

Отряд рванул к машинам. В камуфляже, с оружием, в тяжёлых армейских берцах скорость была не слишком большая, и молчуны настигали, их босые ноги шлёпали по асфальту всё ближе, всё громче.

— Давай, давай, шевелись! — подбадривал Леший, бежавший замыкающим.

— Может, постреляем их? — предложил один из легионеров.

— Патроны беречь. Уйдём и так.

— Не уйдём, не успеем, — задыхаясь, проговорил другой легионер, и Марк увидел, как Леший, чуть отстав, незаметным движением вдруг воткнул нож в живот бегущего рядом Сергея.

Рыжий не сразу понял, что произошло. Сергей дико заорал, упал, схватился за живот обеими руками. Как бы он ни зажимал рану, между пальцев текла и текла кровь.

— Помогите! — кричал Сергей, лёжа на асфальте. — Помогите мне!

— Кричи, кричи, — тихо бросил Леший, не оборачиваясь.

У Марка от страха застучали зубы. Только теперь до него дошло, зачем в группу добытчиков берут «добровольцев» из числа гражданских. Если что — можно пустить их в расход, не тратя ни единого патрона.

Чтобы оставить позади. Чтобы...

Стая налетела на орущего Сергея, и его крик захлебнулся, утонул в шлёпанье босых ног и мокрому хрусту, и вся орда замедлилась, облепив тело, давая остальным фору.

— Грузимся, — скомандовал Леший у машин. — Все на месте?

— Рыжего нет, — отозвался один из легионеров.

— Чёрт. Куда он подевался? Да и хрен с ним, уходим. Заедем с другой стороны, в этом квартале засветились уже. Припасы набрать надо.

— Живцов не будем, что ли, брать с собой? У нас никого нет, — спросил легионер. Одного ты использовал, а рыжий, вон, смылся.

— Обойдёмся сегодня без живцов, — отрезал Леший.

Легионеры погрузились и уехали. А Марк, трясаясь за колесом брошенной легковушки, слышал всё. Каждое слово.

— Живцы. Мы для них живцы. Сука, сука, сука, — бормотал он, стискивая челюсти ладонями, потому что зубы клацали так громко, что ему казалось — твари услышат.

Стая, между тем, разделавшись с Сергеем, рванула даль-

ше, на звук уезжающих двигателей внедорожников. Марк заполз под стоявший рядом автобус и замер, вдавившись щекой в асфальт, зажав рот обеими руками, чтобы не закричать.

Босые грязные ноги промелькнули мимо, шлёпая по асфальту. Одна пара, другая, третья, десятая. Целая стая. Марк лежал и почти что не дышал, и в голове у него билась одна мысль: Борис был прав. Борис был прав с самого начала.

* * *

Строительство забора вокруг «Буревестника» шло медленно, и Тимура это бесило. Пленных надо было кормить, на них уходили ресурсы, а работали они неохотно, из-под палки, и legionерам приходилось стоять над ними с оружием и всякий раз понукать. Однажды Лиля, зайдя к нему по делу медпункта, спросила:

— Что ты будешь делать, когда стройка закончится? Ты отпустишь этих людей?

— Конечно, отпущу, — сказал Тимур, не моргнув глазом.

Слишком легко и быстро он это сказал, без паузы и без всяких раздумий, как человек, давно сочинивший ответ на неизбежный вопрос.

Лилия поняла, что это неправда. Тимур был слишком хорошим стратегом, чтобы отпустить вчерашних пленных на свободу. Они знали расположение лагеря, знали, сколько здесь припасов, оружия и людей. Они могли вернуться. Могли рас-

сказать другим. И Лиля понимала, что когда стройка закончится, большая часть обитателей лагеря просто исчезнет. Тихо, без объявлений и построений. Ров выкопан — зачем копатели?

Вечером она поделилась своими опасениями с Борисом. Тот жевал лепёшку, запивал водой и слушал, сведя брови.

— Ну и что я могу? — сказал он, когда Лиля замолчала. — Значит, судьба у них такая. Надеюсь, меня не пристрелят. Я же твой муж, — он подмигнул Лиле, не из какого-то веселья или бравады, как раньше, а, видимо, надеясь хоть так её поддержать.

Лиля лишь грустно улыбнулась. В последнее время Борис сильно изменился. Он перестал суесться, перестал доказывать всем вокруг, какой он сильный и важный, и стал тише, собраннее. Словно, наконец, начал взрослеть, несмотря на свой солидный возраст. Она прижалась к нему щекой и обняла, и почувствовала, как его рука легла ей на плечо — тяжёлая и надёжная.

Даже взгляд Киры, сидевшей на соседней кровати, в этот раз не был прожигающим. Девочка посмотрела на родителей и отвернулась, и в её глазах мелькнуло что-то похожее на тепло, впервые за много лет.

* * *

После того как стая прошла по дачам, мы выбрались из погреба, в котором провели несколько часов. Первым вылез

я, осмотрелся. Тишина стояла мёртвая, даже птицы не щёлкали, словно прошедшая орда молчунов забрала с собой всё живое. Только ветер шевелил плотный клетчатый полиэтилен на старой теплице через два участка.

— Чисто, — сказал я своим, и остальные выбрались на свет.

Мы осторожно вытащили Мастера. Он ещё с час назад потерял сознание, лицо стало серым, а дыхание было и не заметить толком, и когда Искра приложила ладонь к его лбу, то отдёргнула руку.

— Чёрт, — выдохнула она. — Ему всё хуже и хуже. Беркут, нужно что-то делать.

— Нужен врач. — я стиснул зубы. — Я даже не знаю, что с ним. Вот только где его раздобыть, этого врача...

— Может, сделаем вылазку в город? — предложил Филин. — Найдём больницу.

— А ты, стало быть, — хмыкнул Ефим, — больше сбегать-то не намерен, да?

— Если будет возможность — уйду, — прямо заявил Филин, и в его голосе не было ни тени смущения. — Но пока что вместе держаться безопаснее. И вы, кстати, сами должны понимать, что долго мы здесь не продержимся. От молчунов мы ещё можем спрятаться в погребе. От людей — нет. Поэтому я заинтересован, чтобы вашему товарищу помог врач.

— «Вашему», — повторила за ним Искра, и в голосе у неё зазвенел металл. — То есть ты себя отделяешь, да? «Ваше-

му» — вот так, значит?

— Да это я просто так выразился, — Филин отвёл взгляд.

— Тихо всем, — сказал я. — Врач нужен, это факт. Но это все равно, что искать иголку в стогу сена. Где мы его найдём? Мы людей-то живых нормальных редко встречаем, а тут каждого встречного будем спрашивать, не врач ли он? Как ты себе это представляешь?

— Нужно найти больницу, — предложил Филин. — Там наверняка есть выжившие из числа пациентов и персонала. Старые больницы — здания основательные, с крепкими стенами, там решётки на окнах первого этажа. Если кто-то и смог закрепиться, то именно там. И среди них вполне может оказаться врач. Это же логично.

— Не исключено, — согласился я. — Вот только поможет ли врач нашему другу без оборудования? А везти его в больницу — затея дохлая, он дорогу не переживёт. Да и что там...

Я проговорил это тихо, косясь на Мастера, лежавшего на диване без сознания. Надеялся, что он не слышит моих неутешительных прогнозов.

— Но попытаться надо, — горячо выдохнул Ефим.

— Жаль, что с нами нет Лили, — сказала Искра. — Она же врач. Сейчас бы...

Она на секунду задумалась.

— Скорее всего, их вообще в живых нет. Этот Борис... Всё испортил, — закончила Искра. — Откололись они от нашей

группы, и сейчас без Лили нам совсем туго. Да и Кира ничего так была девчонка.

— Не надо про них в прошедшем времени, — оборвал я. — Надеюсь, что живы-здоровы, выбрались из города. Хотя на Бориса я бы не полагался. Мужик здоровый, но шуму много, а толку мало.

Ефим нахмурился.

— Борис, Кира, Лиля — это ваши, что ли? — спросил он. И вышло у него это как-то хмуро.

— Ну да, — сказал я, немного насторожившись. — А что, ты их видел?

— А как они выглядят?

Я описал ему всех троих: Борис крупный, шумный, с залысинами, вечно лезет на рожон. Лиля худая, тихая, врач по образованию. Кира ещё подросток, колючая, как ёж.

Ефим слушал, и лицо его менялось.

— Это они мою «Ниву» забрали, — сказал он глухо. — Когда я хотел Свету, жену свою, увезти сюда на эту дачу.

— Как так – забрали? — удивилась Искра.

— А вот так. Экспроприировал у меня ключи этот бугай ваш, усадил семью и укатил. А я, стало быть, пристрелил свою жену, взял велосипед и поехал. И встретил вас.

Он замолчал и опустил глаза. Воспоминания давались ему трудно.

— И я поступил так, как должен был. — Ефим бубнил ровно, голос у него стал тусклым. — Возможно, даже благо-

дарен за это вашему Борису. А так бы Света меня, в конце концов, убила. Если бы я привёз её сюда... Она же обратилась...

— Сочувствую. Получается, что они, скорее всего, живы, — сказал я. — На «Ниве» они вполне могли выбраться из города.

— Это вряд ли, — возразила Искра. — Там же какие-то ублюдки с оружием в камуфляже, помнишь? Людей в автобус заталкивали. Борис мог на них напороться. А теперь над ними опыты проводят. Повезли в какую-нибудь лабораторию к сумасшедшему профессору, где делают лекарство от молчунов.

— Фантазия у тебя, дочка, — хмыкнул Ефим. — Тебе бы книжки писать, такие небылицы рассказываешь.

— Небылицы? — фыркнула Искра. — Да вы посмотрите на мир вокруг! По улицам бегают голые твари, а если засыпаешь в тишине — становишься одним из них. Они ничего не жрут и реагируют на звук, нападают на людей за один шорох. Почему они ненавидят звуки? Почему? Вот скажите мне. Это всё, по-вашему, не похоже на небылицы? А это всё творится с нами — сейчас, здесь, вокруг.

— Тише, тише, успокойся, — я погладил её по плечу. — Все мы сейчас на взводе. Надо трезво мыслить. Давайте сделаем вылазку. Где тут у нас ближайшая больница? Попробуем найти врача.

— Не надо мне врача, — вдруг тихо проговорил Мастер.

Мы обернулись. Он, оказывается, очнулся. Лежал на диване, глаза были открыты, и в них ещё теплился слабый огонёк.

— Только собой рисковать будете и никого не найдёте. Дайте мне спокойно... сдохнуть.

— Что ты такое говоришь? — Искра вскочила и подбежала к нему. — Сейчас же замолчи. Сдохнуть он собрался. Да ты ещё нам коктейли будешь делать. Целое бар-шоу! Ты встанешь на ноги, — она села рядом и погладила его по щеке, и глаза у неё блестели.

— Что-то мне совсем хреново, — проговорил Мастер. — Чувствую, недолго мне осталось.

— Что же за болезнь тебя скосила? — прошептала Искра. — Как же нам сейчас нужна Лиля...

Вылазку в больницу решено было всё-таки сделать, и безотлагательно. Искра осталась с Мастером. Мы проверили оружие, боекомплект, погрузились в пикап.

— Я с вами, — сказал Ефим, перекинув через плечо ремень двустволки.

— Здесь нужен кто-то из мужчин для охраны, — возразил я.

— Но стая прошла, а если придёт банда из разумных — я всё равно не справлюсь. А вот где больница — вы не знаете, а я знаю. Я по-стариковски там часто бывал, проведу вас, хоть

с закрытыми глазами. На машине мы туда вряд ли проедем, придётся её оставить загодя, а потом топать пешком.

— Хорошо, — сказал я. — Залезай.

Мы погрузились и тронулись, в который уже раз, в сторону города. В зеркале заднего вида я смотрел на Искру, стоявшую на крыльце с битой на плече, и дачный домик Ефима, маленький и беззащитный на фоне серого неба, и думал, что каждый раз, когда мы уезжаем, я не уверен, что вернусь обратно, в то же место, к тем же людям.

И каждый раз — возвращаюсь. Пока — возвращаюсь.

Глава 3

Наш пикап двигался по окраине, через частный сектор, мимо заборов и тихих дворов. Июньское солнце палило во всю мощь, и в кабине стояла жара, хоть яичницу готовь на приборной панели. Пустые улицы в этом пекле казались ещё мертвее.

Молчунов почти не попадалось. Изредка мелькнет одиночная фигура в глубине улицы или за перевёрнутой машиной – и всё. Стай не попадалось, и я даже позволил себе расслабить пальцы на руле. Вдоль дороги стояли брошенные легковушки с распахнутыми дверями, на тротуаре валялся чей-то раскрытый чемодан с вываленной одеждой, и ветер колыхал какие-то шнурки и оборки.

— Тут направо, — сказал Ефим с заднего сиденья, вытянув руку между передними креслами. — По этой улице прямо и до конца, потом налево, через два квартала будет больница. Я же пенсионер, ходил, считай, каждый месяц. То давление, то сердце, то спина. Врачи там были неплохие, хоть и районная.

Я свернул, и через пять минут мы действительно увидели больницу. Трёхэтажное здание из кирпича. Территория обнесена невысоким забором из металлических прутьев, ворота нараспашку. На парковке остались две легковушки и «скорая» с распахнутыми задними дверями. В окнах не вид-

но движения, на крыльце тоже ни души.

Я заглушил мотор, и мы прислушались. Тихо. Только ветер гонял по парковке пластиковый стаканчик, так что тот жестким бортиком скрёбся по асфальту.

— Выглядит неживой, — сказал Филин.

— Проверим, — сказал я. — Двигаемся вместе. Ефим, держись за нами, прикрывай тыл.

— Хорошо, — кивнул старик.

Вышли из пикапа, и сразу напахнуло трупам. Запаха разложения за последние недели я нанюхался до тошноты, но привыкнуть так и не смог.

Поднялись по ступенькам. Входная дверь распахнута и подпёрта опрокинутым стулом. Я вошёл первым, ведя стволом перед собой.

Взору открылся вестибюль, заваленный бумагами, и у стены пара трупов. Дальше, за стеклянной перегородкой, регистратура. На полу документы, карточки с историями болезней, чья-то одинокая туфля без пары. За стеклом на стойке — кружка с присохшим на донышке чаем.

— Коридор чистый, — тихо сказал я, двигаясь вперёд.

На полу отпечатались грязные босые ступни. Молчуны здесь явно побывали, и недавно — грязь ещё не высохла до конца. Кое-где по плитке тянулись длинные размазанные мазки засохшей крови — кого-то тащили по полу.

Мы шли по коридору, заглядывая в палаты и кабинеты. Везде одно и то же: перевернутая мебель, разбросанные ве-

щи, кровати со скомканным бельём. Капельницы на стойках.

— Никого, — буркнул Филин, выглянув из очередного кабинета.

— Не нравится мне это, — сказал Ефим.

Мы обошли первый этаж, поднялись на второй, прочесали и его. На третьем то же самое. Палаты, беспорядок, местами кровь, но главное — ни одной живой души.

В конце коридора третьего этажа виднелась широкая табличка “Конференц-зал”. Дверь чуть приоткрыта. Я толкнул её стволom ружья и вошёл.

Зал оказался довольно просторным, хотя это было уже сложно оценить. Потому что стулья посдвигали к стенам, а в центре, впритык друг к другу от края до края, разместили больничные кровати. Штук сорок, может, больше. Кто-то стащил их сюда со всех этажей и поставил в одном месте.

— Видимо, когда началось, — проговорил я, — медперсонал стянул кровати и согнал оставшихся пациентов сюда. Проще наблюдать, когда все в одном зале.

— Только главное тут не это, — сказал Филин.

На кроватях и на полу между ними лежали люди. Десятки. Все они были одеты. Среди них угадывался медперсонал: белые халаты, зелёные хирургические костюмы, бейджики на груди. Рядом лежали пациенты в больничных пижамах, в халатах, кто-то в домашнем. Мужчины, женщины, седая старуха с разметавшимися по подушке волосами. Все мертвы, и убили их явно не молчуны.

Я подошёл ближе, наклонился над ближайшим телом. Мужчина лет пятидесяти в белом халате. Единственная точная колотая рана — в груди. Нож вошёл между рёбер и достал до сердца. На лице застыла гримаса удивления, видимо, он не ждал удара.

Я бегло осмотрел остальные тела. У всех одно и то же — одиночные колотые раны в грудь или в шею. Кто-то прошёл по рядам и методично убил каждого.

— Почему их всех убили? — Филин стоял посреди зала, и даже на его обычно жёстком лице читалась растерянность.

— Не знаю, — сказал я, выпрямляясь. — Может, на больницу напала какая-нибудь группировка. Искали лекарства, наркотические средства из хранилища, оборудование. Но факт — эти люди погибли от рук живых. Молчуны ножами не работают.

Ефим всё стоял у двери, в зал заходить не стал. Только смотрел на ряды кроватей и беззвучно крестился.

— Звери, — тихо проговорил он. — Хуже молчунов. Те хоть не по своей воле, а эти сознательно такие вот дела творят.

Я прошёлся вдоль стены и заметил еще кое-что. На дальней стене, белой, явно кровью был нарисован некий знак. Оскаленная волчья голова внутри треугольника остриём вверх. Кровь засохла и потемнела с потеками, но контуры читались чётко.

— Что это? — Филин подошёл и уставился на стену. По-

трогал знак, растер «краску» между пальцами.

— Раньше с таким не сталкивался, — я задумчиво смотрел на знак, перебирая в памяти всякие символы, эмблемы чего угодно, от музыкальных групп до преступных группировок. — Похоже на метку. Символ банды. Пришли, сделали дело и пометили территорию. Как хищники.

— Как звери, — повторил Ефим из дверного проёма. — Волки.

— Может, они себя так и называют, — сказал я.

Группировка, способная войти в больницу и перебить всех до единого, включая врачей и пациентов, — это серьёзная сила. Я покрепче перехватил ружьё.

Мы молча спустились по лестнице и вышли на крыльцо. После того, что мы увидели внутри, этот жаркий погожий день казался издевательством.

— Что дальше? — спросил Филин. — В городе есть ещё больницы?

— Есть одна, покрупнее. — ответил я. — Приходилось побывать в ней, когда всё началось.

Я вспомнил, как мы приехали на полицейской «буханке» к городской больнице, привезли пожилую женщину, которую ранил прямо у нас в машине ее обратившийся муж.

— И? — не дождавшись ответа, переспросил Филин.

— До неё нужно проехать через весь город. Она в центре. А в последний раз, когда я оттуда уходил, там было всё печально. Вряд ли кто-то выжил.

— То есть зря приехали, — Филин скрестил руки на груди.

— Не зря. Теперь мы знаем, что в городе есть вооружённая группа, и она метит территорию. Волк в треугольнике. Запомни, кстати, этот знак.

— Запомнил, век не забуду, — буркнул Филин. — А что с врачом-то делать? Где мы его доставать будем?

Я промолчал, потому что ответа у меня не было. Стоял, упершись ладонями в капот пикапа, и размышлял.

И тут мы замерли. Среди тишины опустевших улиц вдруг будто из ниоткуда появился какой-то звук. Мы прислушались. Что это? Похоже на стук или царапанье. Он раздавался откуда-то неподалеку, похоже, из-за угла больницы.

Я вскинул ружьё и молча кивнул остальным. Мы двинулись на звук, обогнули здание.

негромкий скрежет доносился из-за перекрёстка, будто кто-то скрёб по стеклу или металлу чем-то твердым. Мы двинулись туда, держась вдоль стены, и у перекрёстка я поднял кулак — стоп.

Выглянул из-за угла.

Оказалось, это четверо молчунов облепили белый автобус у обочины. Две твари скребли ногтями по тонированному боковому стеклу, третья дёргала ручку сдвижной двери, а четвёртая лупила ладонью по лобовому — отсюда и шёл этот мерзкий скрежет. Внутри явно кто-то был, иначе молчуны не стали бы тратить силы на запертую машину.

— Скорее всего, там человек, — шепнул Ефим. — Иначе зачем они ломятся?

— Да ну их к чёрту, — Филин поморщился. — Пойдёмте-ка, пока нас самих не заметили.

— Нет, — качнул я головой. — Надо проверить.

Филин хотел возразить, но я уже перехватил топор, оставив ружье, и двинулся к автобусу. Возможно, Филин решал у себя в торговом центре, но не здесь.

Мы подошли очень тихо. Молчуны были заняты и не видели нас до последнего момента. Я подобрался к ближайшей твари со спины и со всего размаху опустил топор ей на затылок. Череп хрустнул, тварь мешком брякнулась на асфальт.

Филин в ту же секунду воткнул нож по самую рукоять в глазницу второму — тот дёрнулся и осел без звука. Ефим уже навалился на третьего, прижал к борту и ударил прикладом двустволки в висок, раз, другой, пока тварь не сползла. Четвёртый развернулся на шум, раззявил рот и кинулся было ко мне, но я уже выдернул топор и встретил его коротким ударом в лоб. Тварь упала на колени, завалилась набок и затихла.

Всё заняло секунд десять. Теперь мы стояли над четырьмя трупами и тяжело дышали.

Стёкла автобуса были затонированы наглухо, и рассмотреть, что внутри, никак не получалось. Я подёргал ручку двери. Заперто. Постучал по стеклу костяшками пальцев.

— Эй, есть кто? Выходите. Мы разумные. Опасности

больше нет.

Тишина. Я постучал снова, уже громче. Внутри что-то зашуршало, щёлкнул замок, и дверь неуверенно отъехала на пару сантиметров. В щель высунулось конопатое лицо молодого парня. Всклопоченные рыжие волосы, ссадина на лбу, бегающие перепуганные глаза.

— Выходи, выходи, — приободрил я его. — Ты кто такой? Откуда здесь взялся?

Невысокий худой парень выбрался из микроавтобуса, озираясь, всё ещё, видно, не веря, что ему ничего не угрожает. На нём была грязная, мятая футболка, потертые джинсы. Руки тряслись, на подбородке засохла кровь из разбитой губы.

— М-марк, — выдавил он. — Меня зовут Марк.

— И откуда ты, Марк?

— Я сбежал, — он сглотнул и облизнул разбитую губу. — Из лагеря. Бывший пионерский лагерь за городом, в лесу. Его оборудовал какой-то псих, согнал туда народ и теперь устраивает свои порядки. Заставляет всех пахать с утра до ночи. Кто не подчиняется — того... забивают прикладами.

Высказал он всё это тихим, глухим голосом. Мы переглянулись. Ефим нахмурился. Филин скрестил руки на груди и смотрел на парня, прищурившись и оценивая.

— Что за лагерь? — спросил я. — Можешь рассказать подробнее?

Марк заговорил теперь быстрее, правда, выходило сбивчиво. Вводные оказались такими: лагерь отдыха в лесу «Бу-

ревестник», бывший руководитель ЧОП по имени Тимур, его бойцы, называющие себя Легионом, держат там власть. Пленные рабочие, бараки с решётками на окнах, два типа кормёжки — для легионеров и для всех остальных. Вылазки за припасами, на которые берут «добровольцев» из числа гражданских.

— Живцы, — Марк сглотнул и посмотрел мне в глаза. — Я не знал, не знал. Они просто берут нас как живцов. Если стоя молчунов догоняет группу, легионеры режут гражданского, и пока твари заняты орущей жертвой, остальные уходят. Я видел это своими глазами. Парня, Сергея, распороли ножом по животу прямо на бегу. Он ещё кричал, а его рвали.

Ефим покачал головой и перекрестился. Филин молчал, но история его явно не удивила, скорее, подтвердила то, о чем он и так догадывался.

— Подожди, — сказал я. — Ты сказал «Легион»?

— Ну да. Они себя так называют. Легионеры. У них у всех одинаковые нашивки на одежде. Носят камуфляж с шевронами.

— Что за нашивки?

— Волчья голова в треугольнике.

Ефим тихо выругался.

Так вот чьих это рук дело, тот конференц-зал на третьем этаже. Тела на кроватях. Колотые раны в грудь и в шею. Теперь я знал, кто это сделал. Но зачем?

— В больнице, — сказал я. — На стене мы обнаружили

тот же знак.

— Это, значит, они, — кивнул Марк. — Точно они. Я слышал разговор двух легионеров. Тимур отправлял группу в эту больницу. Искали медикаменты и врачей, потому что у них в лагере врачей нет. Им позарез нужен был кто-то с медицинским образованием.

— И что? — спросил я, уже зная ответ.

— Медперсонал отказался идти добровольно. Сказали, что пациентов не бросят. Тогда легионеры перерезали всех. Просто, как скот... Чтобы патроны не тратить.

Вот такая картина...

— Ты сказал, у них есть припасы? — медленно проговорил я.

— У них всего полно! Медикаменты, оружие. Продуктов — полный склад.

— Сколько их?

— Точно не знаю, но много...

— Врач, — сказал Ефим и посмотрел на меня. — Беркут, нам же нужен врач. А у них его нет...

— У нас есть врач! — торопливо перебил его Марк. — Ну у них, то есть... недавно появилась женщина. Но одна на весь лагерь. Лилия ее зовут.

Я уставился на него.

— Лилия?

— Она там, — ответил Марк, ничего пока не замечая. — В лагере. Она единственный врач на весь «Буревестник». Ра-

ботаает в медпункте. Новенькие, недавно появились. Она и её муж, бугай такой, Борис, и их дочка, девчонка Кира. Поселили их в шестом корпусе. Они все там.

Я сжал приклад ружья.

— Получается, они живы. Это люди из нашей группы.

— Живы, — кивнул Марк. — Конечно. Лилю Тимур держит при себе, она ему нужна. Бориса заставляет работать на стройке забора, но тоже не трогает, потому что Лиля за него попросила.

Живы. Борис, Лиля, Кира — в плену у безумного чоповца, за забором с колючей проволокой, но главное — живы.

— Нам нужно туда попасть, — сказал я.

— Куда? — Филин уставился на меня. — В лагерь, где десятки, а может, и сотни вооружённых головорезов, ров, забор и вышки? Ты совсем, что ли, рехнулся?

Видно, Филина всё-таки здорово задевало, что тут перед ним никто по струнке не ходил. Как тогда, ещё до того, как он грабанул «Вездеход», пристукнув директора.

— Там наши люди, — сказал я. — И там Лиля, без которой Мастер умрёт.

— Мастер и так, скорее всего... — начал было Филин, но осёкся, поймав мой взгляд.

— Вот что. Нам нужно вернуться на дачу, — сказал я. — Всё обдумать. Марк поедет с нами, расскажет, что знает про лагерь: расположение, охрана, слабые места. Мы с ним поделимся едой. А потом решим, как туда попасть.

— Я с вами, можно? Но только в лагерь не поеду... Мне нельзя обратно, — Марк побледнел. — Если они меня поймут...

— Тебя никто обратно не гонит, — сказал я. — Но ты должен все подробненько рассказать нам. Ты единственный, кто был внутри и знает, что там и как.

Марк помолчал, потом кивнул. Руки у него всё ещё тряслись, но он распрямил спину и посмотрел на меня уже по-другому. Почувствовал себя в безопасности.

Мы погрузились в пикап. Марк сел на заднее сиденье рядом с Ефимом и всю дорогу молчал, вжавшись в угол и сцепив руки на коленях. Я же почти на него не смотрел: вёл машину и думал о «Буревестнике».

Нас всего четверо против укрепленного лагеря с сотней вооруженных людей. Задача тяжёлая, но я и не такие решал, тогда, в прошлой жизни.

В лагере начался очередной день сурка. Сирена в шесть утра вгрызлась в сон, как всегда, и бараки зашевелились: скрип нар, кашель, ругань, шарканье босых ног по холодному полу. К шести пятнадцати все стояли на плацу, и легионер с автоматом на плече зачитывал фамилии по замусоленному листку. Люди откликались хриплыми со сна голосами, и после каждого «здесь» легионер ставил галочку огрызком

карандаша. Потом раздали лопаты, топоры, носилки, и народ разошёлся по рабочим местам: кто на ров, кто на забор, кто на разгрузку привезённого с последней вылазки строительного материала, часто больше похожего на хлам.

Лиля торопилась по тропинке к маленькому домику медпункта, на ходу заправляя волосы под косынку. У двери уже стояли трое: мужик с загноившимся пальцем, другой с надорванной поясницей, и третий — здоровый лоб, державшийся за живот с преувеличенной мукой на лице. Симулянт, Лиля таких вычисляла с порога: глаза бегают, стонет громко, но когда думает, что его не видят, стонать забывает.

— Ты, — Лиля ткнула в симулянта пальцем, — на стройку. У тебя ничего не болит.

— Да у меня же...

— На стройку, — повторила Лиля, и голос у неё был такой, что мужик заткнулся и пошёл прочь.

Она не могла выписать освобождение от работ, на это требовалось разрешение Тимура, а Тимур таких разрешений не давал принципиально.

Палец она обработала, вскрыла нагноение скальпелем, промыла, снова обработала и перевязала. Поясницу стянула самодельным корсетом из разрезанной простыни и велела три дня не поднимать тяжёлого, хотя оба понимали, что никто здесь этих трёх дней не даст. Потом пришёл легионер с рассечённой бровью, затем женщина из прачечной с ожогом от кипятка, потом ещё один рабочий с вывихом. В течение

дня нужно было еще успеть выделить время для сортировки медикаментов, недавно привезенных с очередной вылазки.

Работы было столько, что к ночи Лиля приходила в комнату и буквально падала на кровать. Руки гудели, под ногтями, как ни три и ни мой, оставалась чужая кровь, и она засыпала мгновенно, потому что тело просто отключалось.

Бориса в этот раз отправили на периметр — стоять на посту у западного участка забора, следить, чтобы никто из случайно забредших молчунов не подошёл снаружи. Хотя какое-то разнообразие, думал он. Все же не ров копать. Уже ведь не мальчик, и суставы дают о себе знать.

Он посмотрел на свои заскорузлые мозолистые ладони. Пальцы теперь плохо сгибались. Мышцы ныли от изнурительной многодневной работы лопатой. Хотя сегодня руки отдохнут.

День выдался солнечный. Июньский воздух пах нагретой хвоей и пылью, и если бы не колючая проволока поверх забора и не стволы карабинов на вышках, можно было бы закрыть глаза и под лёгким ветерком представить, что ты просто на загородной базе отдыха.

К полудню у ворот началась суета. Борис увидел это со своего поста: загремели запоры, створки распахнулись, и на территорию вошла группа legionеров, конвоируя небольшую колонну людей. Новенькие.

Их оказалось немного — восемь человек. Шестеро мужчин и две женщины. Все в гражданском, грязные, помятые,

с испуганными глазами.

Как обычно, их выстроили в шеренгу на плацу. Из административного здания вышел Тимур — в чистом отглаженном камуфляже, в начищенных берцах, с неизменной фарфоровой улыбкой на гладковыбритом лице. Он прошёлся вдоль шеренги, заложив руки за спину, оглядел каждого и тогда начал свою речь. Борис слышал её уже четвёртый раз и мог пересказать наизусть, включая и паузы. Про Легион, про порядок и про новую жизнь. Про кров, еду и защиту в обмен на труд и лояльность. Тимур произносил это с таким искренним лицом, что новенькие, возможно, даже пока что верили. Старожилы, наблюдавшие со своих рабочих мест, только злорадно усмехались и украдкой сплевывали на землю.

После речи началось распределение. Тимур лично опрашивал каждого: кто, откуда, чем занимался. Двоих мужчин отправили на ров. Бывшего электрика поставили на генераторы — его Тимур аж за плечо приобнял, электрики тут были на вес золота. Ещё троих направили возводить забор. Крупную тётку с красным обветренным лицом и натруженными ладонями приписали в столовую, и она, кажется, даже обрадовалась.

Последней в шеренге стояла молодая темноволосая женщина. Невысокая, с тонкими запястьями и аккуратно собранными в хвост волосами. Она стояла прямо и смотрела на Тимура без страха, лишь с настороженным вниманием.

— Имя, — сказал Тимур, подойдя к ней.

— Мария.

— Кем работала раньше?

— Медсестра. Процедурная, реанимация, перевязочная.

Восемь лет стажа.

Тимур поднял бровь. Обернулся к стоявшему за спиной Лешему. Тот кивнул.

— Медсестра — это хорошо, — Тимур снова повернулся к Марии, и улыбка его стала шире. — Это очень хорошо. У нас некомплект медицинского персонала. Пойдёшь в медпункт, к нашему врачу. Будешь помогать.

Мария кивнула, ничего не сказав. Лицо её не дрогнуло.

* * *

Лиля заканчивала перевязку очередному легионеру, когда дверь медпункта открылась. На пороге стояла невысокая девушка. Пусть немного помятая и с уставшим лицом, она совсем не сутулилась, как другие женщины в лагере. И Лиля сразу обратила внимание на её руки и пальцы, будто признала коллегу.

— Здравсьте... Меня к вам направили, — сказала девушка.

— Я новенькая. Меня Маша зовут. Я медсестрой работала.

Лиля на секунду замерла с бинтом в руке. Потом закончила перевязку, закрепила пластырем конец бинта, отпустила легионера и повернулась к Марии, представляясь:

— Лиля. Я тут за врача. Проходи.

Мария вошла и огляделась.

Глава 4

Внедорожник послушно подкатил к дачным воротам, и я заглушил мотор. На крыльце стояла хмурая Искра.

— Мастеру всё хуже, — сказала она, не здороваясь. — Он уже несколько раз терял сознание. Приходит в себя на какое-то время, бормочет что-то и снова отключается.

Она внимательно оглядела нас, задержалась взглядом на стоявшем позади Марке и сразу определила:

— Я так понимаю, доктора вы не нашли?

Ефим молча помотал головой.

— А это кто такой? — она буравила взглядом рыжего. Очевидно, гость не вызывал у нее доверия.

— Нашли его в городе. Отбили у молчунов, — сказал я.

Мы все вместе отправились в дом. Я подошёл к дивану. Мастер, укрытый пледом, лежал неподвижно, когда я положил ладонь ему на лоб. Лоб пылал. Серая кожа, тёмные круги под глазами, и дыхание такое редкое, что, казалось, следующего вдоха не последует. На касание он никак не отреагировал, и если бы не эти редкие вдохи, я бы решил, что опоздал.

Искра под села рядом и осторожно погладила его по волосам. Потом подняла на меня глаза, и в них промелькнула непривычная беспомощность.

— Нужно что-то делать, — прошептала она, еле сдержи-

вая слезы. — Срочно. Он же так умрёт.

Я промолчал, потому что сказать было нечего. Обезболивающее мы ему нашли, антибиотики тоже, но всеми этими таблетками только тыкали пальцем в небо, без осмотра врача и диагностики, похоже, всё это впустую. Может, внутреннее кровотечение, может, лёгкое пробито, не исключено, что и сепсис мог уже начаться. Врачей среди нас не было, и осталось только гадать и надеяться на чудо. Или же... я повернулся к Марку, пока что так и застрявшему в дверях.

Его усадили на кухне, дали воды и вчерашнюю похлебку. Парень ел жадно, сутулясь над столом, и руки у него всё ещё подрагивали, но уже не так заметно, как там, в городе. Искра поглядывала на него настороженно, пока не понимая, кто он такой и зачем здесь.

— А кто это? — спросила она меня вполголоса. — Зачем вы его сюда привели?

— Его зовут Марк. Из лагеря сбежал. Потом расскажу.

Филин отозвал меня в сторонку, подальше от чужих ушей. Мы вышли на крыльцо.

— Слушай, — он понизил голос и покосился на дверь, — не доверяю я этому новенькому. Мутный он какой-то. Надо от него избавиться.

— Как это — избавиться?

— Ему здесь не место, — сквозь зубы процедил Филин. — Оставляя его здесь, мы рискуем. К тому же не знаем, правду он вообще-то нам рассказал или нет.

— Мы не можем его просто взять и выгнать. Он видел, где мы живём. Видит, что у нас машина, припасы.

— А может, его того... — Филин недвусмысленно провёл пальцем по горлу.

— Это не наши методы, — я посмотрел на него в упор. — Мы не станем уподобляться тем головорезам из супермаркета. Убивать человека только потому, что пока что не доверяем ему.

Я немного помолчал, обдумывая всё, а затем продолжил.

— Тем более он единственный, кто знает путь к лагерю. Знает его устройство, охрану, слабые места. Без него мы вслепую полезем.

— Да пойми, ты — и не надо нам туда лезть! — Филин зло сплюнул. — Какого черта мы туда попремся? Смысл так рисковать? У нас у самих припасов достаточно и тачка есть! Надо валить отсюда побыстрее!

— Мы это уже обсуждали, — медленно проговорил я, делая упор на каждое слово. — И повторять я не намерен.

— Хрен с тобой, — Филин махнул рукой и повернулся к двери. — Делай что хочешь. Но учти — я за ним слежу, но в лагерь не пойду.

— Следи, — сказал я. — Только молча.

Я собрал всех за кухонным столом. Ефим, Филин, Искра и Марк.

— Нам нужно обсудить одно дело, — начал я. — Марк рассказал нам, что творится в лагере «Буревестник», там что-то вроде колонии, только не добровольной. Это не коммуна, людей там похищали. И там наши люди — Борис, Лиля и Кира. Лилия — врач. И так получается, что она единственная, кто может помочь Мастеру.

— Ты хочешь забрать её оттуда? — спросила Искра. — Это капец как опасно, Беркут.

— Для начала я хочу попасть внутрь, — сказал я. — А дальше по обстановке. Марк, расскажи им, что ты знаешь.

Марк сглотнул, вытер рот тыльной стороной ладони и заговорил. Сейчас он окончательно успокоился, голос у него окреп, и рассказывал он довольно толково. Упомянул забор в три метра и ров.

— Через каждые пятьдесят метров — караульные вышки с legionерами, — говорил новенький. — Вышки невысокие, чуть выше забора. Ворота одни, железные, на засове и цепи. Охрана периметра круглосуточная.

— Крепость, значит, — вздохнул Ефим. — И от людей, и от молчунов отгородились.

— Но забор ещё не достроен, — добавил Марк. — С северной стороны, за бараками, есть участок метров триста, где пока только столбы стоят. Там только натянута проволока в три ряда, и ров мельче, не успели докопать.

— Вышки? — спросил я.

— Ближайшая к тому участку вот так отстоит, — он пока-

зал на точку за окном.

— Метрах в пятнадцать. Это наш шанс, — кивнул я.

— Это наша могила, — буркнул Филин, но продолжать не стал.

Я проигнорировал его реплику и продолжил.

— Мастеру плохо. Ему нужен врач. В лагере — Лиля, она может помочь. И подумайте сами, «Буревестник» — укреплённое убежище, забор, ров, припасы. Если поднять там бунт, например, и отбить его у этих бандюков, у нас будет надежная база. Но это потом, планы на будущее, а пока нужны вызволить врача, ну и по возможности ее семью.

— Да ваш Мастер уже не жилец, — Филин кивнул в сторону дивана. — Ты посмотри на него. Он же...

— Не говори так, — зашипела Искра, и Филин осёкся. — Он может слышать. И вообще, мы не знаем, что с ним. Надо постараться ему помочь, и мы сделаем для этого всё возможное.

— Ладно, как хотите, — Филин откинулся на стуле и скрестил руки на груди. — И что ты предлагаешь? Как мы туда проберёмся?

— Мы — никак, — сказал я.

Филин вопросительно уставился на меня.

— Я пойду туда один, — добавил я. — Марк покажет дорогу, мы прикинем, как проникнуть внутрь. Дальше я сам.

— Как — один? С ума сошел? — Искра подалась вперёд.

— Мне не впервой делать такие вылазки, — я пожал пле-

чами. — Одному даже будет проще — меньше шума, легче спрятаться.

На том и порешили. Точнее, порешил так именно я, хотя видел, что Искра и Ефим со мной не согласны. Но вслух возражать никто из них не стал. Даже Филин. По его глазам я видел, что он, скорее, доволен, ведь сам он в лагерь не рвался.

Я проверил ружье, заткнул за пояс нож, прихватил фонарик, верёвку, кусачки и болванку скотча — пригодится, если нужно будет связать кого-то тихо. Марк нарисовал мне схему лагеря на пустом листе старой книги. Как мог пометил бараки, медпункт, административное здание Тимура, столовую, караульные вышки, ворота и то самое уязвимое место, через которое я рассчитывал проникнуть внутрь.

Я запомнил схему, вырвал листок и сунул в карман.

Ночью почти не спал. Лежал, слушал храп Ефима за стенкой и думал о том, что завтра, возможно, всё решится. Либо доберусь до Лили и найду способ вытащить её с семьёй, либо меня поймают, и я окажусь по другую сторону забора, уже как пленный. Третий вариант я старался не рассматривать, хотя он был тоже до некоторой степени вероятен.

* * *

Утром, после завтрака из консервов и чёрствого хлеба, мы погрузились во внедорожник.

Ефим лучше всех знал здешние места и прикинул, что нас

с Марком можно добросить до развилки, от которой главная дорога уходит уже за город, а несколько второстепенных ведут в лес. От этого места проще всего было добраться до лагеря.

— Дальше придется идти пешком, — сказал пенсионер, водя заскорузлым пальцем по старой потрепанной карте, которая нашлась в бардачке внедорожника. — Судя по расположению лагеря, километров десять через лес, потом по просёлочной дороге, потом опять лесом. К вечеру, считай, будете на месте. Далековато, конечно, но лучше не рисковать и идти в обход. Так больше шансов дойти и не напороться... ни на что.

— Дойдем как-нибудь, — кивнул я.

— Удачи, — буркнул Филин из кабины, и голос у него прозвучал на удивление серьёзно.

Ефим пожал мне руку, глядя в глаза.

— Ты возвращайся, Максим, — сказал он. — И наших привези.

Эти слова меня порадовали. Да, и Лиля, и Кира, и даже Борис — все они наши.

— Постараюсь, отец, — ответил я.

Мы двинулись с Марком от дороги в сторону леса. Утро было прохладное, роса ещё не сошла, и трава мочила ботинки. Шли молча. Парень двигался на удивление тихо для городского жителя.

Пройти решили недалеко от того места, где раньше сами

видели чоповский кордон. Надо было проверить, там ли они, хотя для этого пришлось сделать небольшой крюк.

Кордон стоял на месте. Те же вооружённые люди в камуфляже, тот же перегородивший дорогу грузовик. Неподалёку автобус с занавешенными окнами.

«Ловят выживших на дорогах и свозят в «Буревестник» — подумал я. — Теперь понятно, для чего».

— По этой дороге нам не пройти, — шепнул Марк. — Заметят.

— И не надо, — ответил я. — Мы лучше проберемся лесом. Выйдем к лагерю с северной стороны. Дорога длиннее, зато нас не увидят.

Я кивнул — мол, всё увидел, что нужно, и мы повернули в противоположную от кордона сторону.

Деревья сомкнулись над головами, солнечный свет пробивался через листву пятнами. Я шёл впереди, уверенно выбирая дорогу, время от времени поглядывая на Марка, тащившегося позади, а в голове зудела тревожная мысль: а не заслан ли казачок?

Нет, видно, что парень не играет. Напуган, вымотан и плохо врёт. Будь нужен подсадной, Тимур нашёл бы кого-то более убедительнее.

Несколько часов мы петляли по просёлкам и лесным тропам, подальше от открытых участков. Шли быстро, и за несколько часов ни единого молчуна нам не встретилось. Дорога оказалась на удивление спокойной, и как раз от этого

было тревожно, потому что слишком гладкое начало обычно заканчивается паршиво.

До лагеря мы добрались, когда солнце уже клонилось к горизонту. Я не стал сразу лезть к забору, а потратил оставшееся до темноты время на разведку. Обошёл лагерь по дуге, держась на расстоянии, и всё время прикидывал обстановку: тропки к «Буревестнику», ориентиры, возможные пути отхода. Мало ли, вдруг придётся уходить быстро. Старая привычка — прежде чем идти на задание, досконально изучи окружающую обстановку.

Марк сидел под деревом и ждал, обхватив колени руками и напряженно покусывая травинку. Страх и тревога измотали его, это было видно, но пока что парень всё же держался и не ныл.

Когда стемнело, мы подобрались к лагерю ближе.

Забор, как оказалось, был почти достроен. Он тянулся по всему периметру, и поверху шла колючая проволока в три ряда. Через каждые двадцать метров торчали сколоченные из досок и бруса самодельные караульные вышки. Я пересчитал вышки на нашей стороне — четыре штуки. Четыре караульных, четыре пары глаз.

Достав из кармана самодельную карту Марка, я сверился с тем, что видел. Медпункт — правый край территории. Корпус шесть, где жила Лиля с семьёй, — третий от ворот. Административное здание Тимура в центре, с крыльцом и флагом с волчьей головой. Столовая — левее. Бараки рабочих

— вообще дальний ряд.

Сложил карту и сунул обратно в карман.

— Ну что, пошли, — сказал я Марку. — Ты готов?

Парень неуверенно почесал нос.

— Готов, — вздохнул он.

Мы двинулись вдоль периметра, держась в тени деревьев. Фонарик не включали, всё равно глаза уже привыкли к темноте, да и луна давала достаточно света, чтобы не спотыкаться.

Марк довольно быстро вывел меня к нужному участку. Здесь забор действительно был другой — старый, из почерневших от времени прутков. Профлист сюда пока не дотянули, столбы уже стояли, но без обшивки. Впрочем, совсем голым этот отрезок тоже не оставили, по низу тянулась натянутая на скорую руку свежая колючая проволока в несколько рядов.

Я перекусил проволоку кусачками, она разошлась с тихим щелчком, и я развёл концы в стороны. Пролез. Ближайшая вышка стояла метрах в пятнадцати. Фонарь на ней был, но светил в сторону леса, и караульный сидел, привалившись к перилам. Я видел на фоне неба его обмякший, полусонный силуэт.

Подкрался поближе, насколько смог, подобрал с земли увесистый камень и швырнул его в противоположную сторону от вышки. Импровизированный снаряд перемахнул через старый забор и упал в кусты, с треском ломая мелкие вет-

ки. Караульный подскочил, развернулся на звук, схватился за карабин и стал вглядываться в темноту, подсвечивая фонарём.

Мне этих секунд хватило. Пока он отвлекся и смотрел в другую сторону, я в несколько шагов добежал до вышки, бесшумно поднялся по лестнице — четыре перекладины, дерево под ногами скрипнуло, но караульный не услышал, потому что всё ещё сосредоточенно шарил фонарём по кустам. Я вскочил на площадку, одной рукой зажал ему рот, другой полоснул ножом по горлу. Легионер дёрнулся, захрипел и обмяк. Я опустил тело на пол вышки, забрал его карабин и огляделся.

Отсюда территория действительно просматривалась хорошо. Бараки тёмные, в административном здании горит свет — Тимур, значит, ещё не спит. На здании медпункта в темноте выделялся красный крест. По территории прохаживались двое патрульных, лениво отсчитывая шаги от столовой к воротам и обратно.

Я спустился с вышки и двинулся вдоль забора, держась в тени построек. Впереди, у угла одного из барakov, стоял ещё один легионер, курил, прикрывая огонёк ладонью. Я подошёл сзади и ударил рукоятью ножа в основание черепа. Легионер осел без звука, сигарета выпала из пальцев и погасла в траве.

Я оттащил его за барак, в тень. Потом двинулся дальше, к шестому корпусу.

И тут спохватился. Марк. Где Марк?

Я обернулся — рыжего нигде не было. Он пролез за мной через забор, это я помнил, но потом, пока я занимался караульным и легионером у барака, Марк исчез. Растворился в темноте, и без лишнего шороха.

— Тьфу ты, — с досадой сплюнул я.

Впрочем, карту я помнил и примерно представлял, в какую сторону двигаться. Так что пошёл дальше, стараясь не думать о том, куда делся Марк. Может, испугался и забился в какую-нибудь щель, может, решил сбежать обратно — всё-таки желанием возвращаться за забор он не горел. Мне сейчас он не нужен. Черт с ним.

Я быстро добрался до нужного корпуса, вот уже небольшое здание маячило впереди. В окнах темнота. Все спят, только из репродукторов по всему лагерю доносится унылая музыка, не развлечения ради, а как средство от обращения в молчунов.

Я осторожно поднялся на крыльцо, взялся за ручку двери и замер. Что-то тут не так. Слишком тихо и пусто. И запах — свежий табачный дым, рядом кто-то только что курил.

Я выпустил ручку и сделал шаг назад.

Поздно.

Из-за угла здания выдвинулись две тени. Стволы ружей уставились мне в грудь.

— Стоять!

Из-за противоположного угла вышли ещё двое с караби-

нами наперевес. Уже четверо легионеров держали меня на мушке, окружив. Деваться было некуда.

И тут из темноты послышался знакомый пронзительный голос.

— Вот он! Вот он, держите его!

Марк выскочил из-за спин легионеров, тыча в меня пальцем. Глаза у него горели, он говорил быстро, захлёбываясь словами, торопясь выложить всё, пока его слушают.

— Это он! Он пытался прокрасться сюда! Хотел убить Тимура! У него группа, они на дачном посёлке прячутся, у них машины, оружие, припасы! Он хотел захватить лагерь!

Я посмотрел на рыжего, сжав зубы. Вот же сука...

— Карабин на землю, — скомандовал старший. — Нож тоже. Медленно.

Я бросил оружие. Потом вытащил нож из-за пояса и положил рядом.

— Руки за голову.

Я сцепил пальцы на затылке. План мой только что накрылся медным тазом. Лиля спит в этом самом корпусе, в нескольких метрах от меня, за стеной, и не знает, что я пришёл за ней.

— Тимура позови, — отрывисто бросил старший рыжему. — Живо.

Марк метнулся в темноту. Легионеры стояли ровно, стволы не дрожали. Профессионалы, бывшие военные или менты, тут сомневаться не приходилось.

Где-то в административном здании хлопнула дверь, и слышались уверенные неторопливые шаги.

Тимур шёл знакомиться.

Вымотанные до последней жилки Кнут, Дионисий и Кирюха брели по пустынной улице. Солнце палило, от нагретого асфальта поднимался пар — ночью прошёл дождь, и теперь город казался большой теплицей.

Кирюха плёлся позади, еле волоча ноги, и периодически хватал Дионисия за рукав, потому что ноги его уже не держали, а признаваться в этом пацан не хотел.

— Надо выбираться из города, — сказал Дионисий, утирая пот со лба. — Здесь оставаться нельзя. Слишком много этих... обращенных.

— Согласен, — буркнул Кнут, оглядываясь. — В городе нам ловить нечего.

— Есть один монастырь, — Дионисий заговорил осторожно, проверяя реакцию Кнута на само слово «монастырь». — Километрах в тридцати от города, за лесом. Я точной дороги отсюда не знаю, только направление. Но место крепкое: высокие дубовые ворота, каменные стены. Там можно поискать убежище.

— Монастырь, — хмыкнул Кнут. — Там же наверняка все богомольцы давно уже обратились.

— Их и в благополучные времена было немного. Если кто-

то остался и обратился, справиться с ними можно.

Дионисий поймал себя на том, что теперь, видимо, совсем не против убийства молчунов, хотя раньше такого и в мыслях не допускал.

— Тридцать километров, — Кнут прикинул в уме. — Это мы будем топать дня два, если не больше. Надо посмотреть, куда двигаться дальше, оценить обстановку. — Он задрал голову и прищурился. — Вон, впереди небоскреб. Надо забраться на крышу и глянуть сверху на город, посмотреть, где меньше заторов, и что без стай.

Так и решили. Многоэтажка оказалась современным жилым домом на девятнадцать этажей с панорамным остеклением.

Троица вошла внутрь просторного подъезда. Здесь был не только лифт, но и пост консьержа. Естественно, пустой. Вся обстановка говорила о том, что в этом доме жили далеко не бедные люди, жилье премиум-класса, вот только на ступенях теперь кровь, а кое-где и трупы.

Лифт, понятное дело, не работал. Поднимались пешком по лестнице, и это было то ещё удовольствие, особенно по такой духоте. Шли медленно, с частыми передышками. Дионисий начал задыхаться уже на седьмом, Кирюха — на десятом. Кнут держался, но на последних пролётах и у него перед глазами поплыло.

На самом верхнем этаже они остановились отдышаться, и Кирюха первым заметил приоткрытую дверь в одну из квар-

тир. Тяжёлая, добротная металлическая дверь с хорошим замком, но не запертая — створка отошла на пару сантиметров.

— Надо бы проверить, что там, — предложил Кирюха, заглядывая в щель. — Может, пожарть что найдём.

— Погоди, — отмахнулся Кнут. — Сначала на крышу, как и планировали. Потом уж вернёмся.

Они выбрались наверх легко: туда вели ступени, а не чердачный лаз. На крыше оказался выложенный голубой плиткой стационарный бассейн метров в шесть длиной. Вокруг — шезлонги и зонтики от солнца на стойках. Вода еще не зацвела, и сам факт того, что на крыше жилого дома может быть устроен бассейн, привёл всех троих в ступор.

— Ничего себе, — Кирюха присвистнул и подбежал к бортику. — Это что вообще такое?

— Это, пацан, жизнь, которой мы никогда не жили и уже не будем, — Кнут обвёл взглядом все это великолепие. — Хаты явно для тех, у кого денег куры не клюют.

— Суета сует, — тихо проговорил Дионисий, глядя на город с высоты.

— Это точно, — согласился Кнут, но всё-таки во взгляде у него горела зависть.

Он подошёл к краю и стал осматривать город. Сверху Черноречье выглядело жутковато: чёрные пятна пожарищ, перевёрнутые машины, пустые улицы и кое-где мелкие одиночные фигурки голых молчунов. Крупных стай Кнут нигде не

заметил.

— Вон туда, — он показал рукой на северо-запад, где за последними домами начиналась полоса леса. — Если верить нашему святоше, монастырь где-то в той стороне. Выходить из города лучше вон по той улице, она пошире, и заторов на ней меньше. И там можно тачку надыбать, если повезет.

— Согласен, — кивнул Дионисий, задумчиво разглядывая город.

— Ладно, — Кнут махнул рукой. — Пацан прав, надо поискать жратву. Да и помыться не мешало бы, — он покосился на бассейн, потом на себя, на заскорузлую от грязи и крови робу, и поморщился. — Пойдём вниз, в ту квартиру заглянем.

Они спустились на этаж, к открытой двери. Кнут осторожно потянул за ручку и крадучись шагнул внутрь. За ним последовали остальные, стараясь ступать тихо и не поднимать лишнего шума. Когда все вошли, то заперли за собой дверь.

Огромная квартира, комнат пять, не меньше, с высокими потолками и дорогой мебелью. Тёмный паркет, встроенные шкафы с зеркальными дверями, на стенах картины в рамах, в гостиной целый кинотеатр на полстены, с колонками, и широкий кожаный диван.

Видимо, хозяева покинули квартиру в спешке, даже не заперев за собой дверь, но порядок сохранился почти идеальный.

В квартире стоял полумрак, потому что плотные портьер-

ные шторы были задёрнуты.

— Надо бы света сюда запустить, — сказал Кнут и двинулся к окну.

И тут раздался мягкий женский голос с приветливой электронной интонацией.

— Здравствуйте!

Вся троица подпрыгнула. Кнут выхватил арматуру и развернулся, Дионисий прижал к себе Кирюху, а мальчишка вцепился священнику в руку.

— Я ваш голосовой помощник, Мелисса. Чем могу помочь?

На полке у стены стояла небольшая колонка с мигающим голубым кольцом.

— Ого, — Кнут опустил арматуру и уставился на колонку. — Вот это сервис. Не сдохла ещё. И что ты можешь, Мелисса?

Колонка бодро начала перечислять свои возможности: управление светом, климатом, мультимедиа, заказ продуктов, напоминания, музыка, новости, погода и т.д.

— Музыку, значит, умеешь, — хмыкнул Кнут. — Ну-ка, включи что-нибудь.

Из встроенных потолочных динамиков полилась тихая джазовая мелодия. Кирюха открыл рот. Дионисий перекрестился.

— Стоп, — Кнут поднял руку. — Тише. Если эта штука работает, значит, тут есть электричество.

— Странно, — сказал Дионисий. — Я думал, электричества нигде нет уже давно.

Кнут прошёлся по квартире, заглянул в коридор, нашёл электрический щиток в кладовой. Рядом с ним на стене висел небольшой экран с цифрами и графиками.

— А-а, вон чего. Солнечные батареи, — сказал он, ткнув пальцем в экран, имея в виду один из значков. — На крыше, наверное, панели стоят. Автономная система, от городской сети не зависит. Умный, чтоб его, дом для богатых. Хе!

— Значит, холодильник тоже работает? — Кирюха уже бежал на кухню.

Через секунду оттуда раздался радостный вопль.

— Идите скорее сюда! Просто обалдеть!

Кирюха стоял перед распахнутым настежь здоровенным двухдверчатым холодильником, и глаза у него горели. Холодильник был забит продуктами: сыры, колбасы в вакуумной упаковке, контейнеры с нарезками и прочая снедь.

— Ого-го, — сказал Кнут и покачал головой. — Вот это мы удачно зашли. Тут чего только нет, и всё свежее, холодос-то пашет.

Кирюха уже лихорадочно выгребал шоколадки, выхватил из дверки бутылку газировки, потащил всё это в гостиную. Плюхнулся, схватил пульт с тумбочки и включил телек. Экран вспыхнул, но вместо телеканалов показал список стриминговых сервисов и библиотеку скачанных фильмов.

— Тут целый кинотеатр! — восхитился Кирюха. — Слу-

шайте, я предлагаю остаться здесь насовсем. Посмотрите, как здорово! Еды полно, вода, свет, всё есть. Двери прочные. Зачем нам куда-то идти?

— Пацан, — Кнут посмотрел на него, чтобы привычно оборвать, но не нашёл, что возразить. — Ладно. Перекантуемся пока тут, приведем себя в порядок. Да и отдохнуть не мешало бы.

Дионисий молча стоял посреди гостиной и осматривался. Потом тихо проговорил:

— Да, помыться хорошо бы, в чистом теле – здоровый дух. Где, интересно, тут ванная?

Как выяснилось чуть позже, в ванной размещалось огромная джакузи с хромированными кранами, массажными форсунками и подсветкой. Площадь у комнаты была такой, что они могли улечься тут рядком, включив теплые полы, и ещё бы место осталось.

— Это ванна или бассейн? — спросил Кнут, присвистнув.

— Это дар божий, — серьёзно ответил Дионисий.

Кнут хмыкнул, повернул кран. Вода пошла, тёплая, потому что бойлер тоже работал. Кнут подставил руку под струю, постоял так секунд пять и впервые за всё время широко и искренне улыбнулся.

— Знаешь что, поп, — сказал он. — Может, твой Бог и правда существует.

Они просто радовались моменту, и момент этот длился весь день, и никто не хотел его отпускать.

Кирюха первым полез в бассейн на крыше. Он разбежался, прыгнул «бомбочкой», подняв фонтан зелёноватых брызг, и завопил от восторга так, что Кнут пригнулся и зашипел на него — тише, услышат. Но потом махнул рукой и сам стянул робу. Прогретая июньским солнцем вода оказалась тёплой.

Дионисий сидел на бортике, спустив ноги в воду, и смотрел на город с высоты. Его одежда сохла на шезлонге, и без неё священник выглядел непривычно — худой мужик в трусах, с рёбрами наперечёт и бледной кожей.

— Святой отец, ты чего не купаешься? — крикнул Кнут из воды.

— Я созерцаю, — ответил Дионисий.

— Он созерцает, — хмыкнул Кнут и нырнул, обдав Кирюху волной. Мальчишка заверещал и кинулся в ответную атаку, и они минут десять плескались и обливали друг друга, а Дионисий сидел на бортике и что-то шептал.

Потом они спустились обратно в квартиру и приняли душ уже по-человечески, с горячей водой и пеной. А Кирюха залез в джакузи. Нашёл в шкафчике под раковиной бутылку специального геля для ванны, и пены получилось столько, что она полезла через край и потекла по мраморному полу. Никто не стал вытирать.

После ванны Кирюха плюхнулся на диван, закутался в

мягкий плед и включил телевизор. Стриминговые сервисы, конечно, не работали — интернета давно не было, — но в библиотеке хозяев обнаружилось несколько сотен предварительно закачанных фильмов и мультфильмов, будто бы как раз на такой случай. Кирюха выбрал какой-то анимационный боевик про роботов и на два часа выпал из реальности, забыв и про молчунов, и про то, что вскоре им снова предстоит идти по пустым улицам, рискуя жизнью.

Кнут тем временем обследовал кухню, ведь не только холодильник мог оказаться им полезен. Кухня была под стать квартире — мраморная столешница, встроенная техника, набор ножей на магнитной планке, один другого лучше. Кнут взял в руки тяжёлый шеф-нож с деревянной рукоятью, повертел, прикинул баланс и одобрительно кивнул: хороший инструмент, сгодится для молчунов.

В холодильнике он нашёл целую двухкилограммовую утиную тушку в вакуумной упаковке. Достал, покрутил, понюхал — нормальная, холодильник держал, а тут ещё и запайка. В морозилке нашлись пакеты с замороженными овощами, стручковая фасоль, какие-то травы в пучках.

— Ты чего там возишься? — заглянул Дионисий с полотенцем на плечах.

— Ужин готовлю, — буркнул Кнут, не оборачиваясь. Он уже разделывал утку, ловко орудуя шеф-ножом, и Дионисий с удивлением заметил, что руки у Кнута двигаются уверенно и привычно.

— Ты ещё и умеешь готовить? — спросил Дионисий, и в голосе проскочило неподдельное изумление.

— А ты думал, на зоне нас по ресторанам водили? — хмыкнул Кнут, натирая утку солью и перцем. — Я полгода на кухне работал, кашеварил на двести человек. Не из таких продуктов, конечно, но... там научишься. Из тухлой капусты и перловки такое варганил, что даже начальник отряда подходил и добавки просил. А вообще... я всегда поваром мечтал стать, — грустно добавил он, замерев на секунду. — Не срослось в этой жизни.

Он нашёл в шкафу подходящую форму для запекания, поместил утку в центр, обложил картошкой и стручковой фасолью, сверху бросил веточки розмарина и тимьяна, плеснул оливкового масла. Духовка включилась методом долгого тыка, и через двадцать минут по квартире поплыл такой запах, что даже Кирюха оторвался от мультфильма и, не выпуская пульт из рук, пришлёпал на кухню босиком.

— Это что? — спросил он, втягивая носом воздух.

— Утка, — сказал Кнут. — С картошкой. Будет готова через час.

— Утка? — Кирюха уставился на стекло духового шкафа — за ним шкворчала и румянилась тушка. — Настоящая утка? В духовке?

— Нет, бумажная, в принтере, — буркнул Кнут. — Конечно, настоящая. Шагай отсюда, не мешай повару.

Кирюха не ушёл. Он уселся на табуретку у кухонного ост-

рова и сидел там весь час, наблюдая через стекло, как утка покрывается золотистой корочкой, и периодически сглатывал слюну с причмокивающим звуком.

Когда час истёк, золотистая тушка с хрустящей корочкой лежала на столе, на большом блюде в окружении запечённой картошки и фасоли, и пахла так, что у Кирюхи задрожали руки от предвкушения.

Кнут разделал утку ножом, разложил всё по красивым фарфоровым тарелкам с золотой каймой, здешние хозяева явно не сэкономили на посуде. Нашёл в буфете бокалы, налил Кирюхе сока, себе виски, а для Дионисия достал из винного шкафа бутылку красного.

— Я не употребляю, — сказал Дионисий.

— Сегодня можно, — сказал Кнут и поставил перед ним бокал. — По такому случаю даже бог не осудит. Считай, кагор.

Дионисий посмотрел на бокал, на утку, на вцепившегося зубами в утиную ножку Кирюху и взял бокал.

— За тех, кого нет рядом, — тихо проговорил он.

— Давай лучше за живых... — мотнул головой Кнут. — За нас, в общем.

Они чокнулись, и Кнут заметил, что рука у Дионисия больше не дрожит.

Ели долго, молча, сосредоточенно, отдавая должное каждому куску. Сочная утка с хрустящей кожицей таяла во рту, картошка пропиталась утиным жиром, а розмарин давал

привкус, от которого хотелось закрыть глаза и жевать особенно медленно.

— Давно мы не ели нормальной еды, — сказал Дионисий, причмокивая и облизывая пальцы. Потом осёкся, посмотрел на свои пальцы и смущённо вытер их салфеткой. — Прости, Господи, грешен.

— Ничего, отец, — хмыкнул Кнут. — Перед такой закусью все грешны.

Кирюха сиял от счастья и довольно улыбался, и перемазанное утиным жиром лицо его выражало такое блаженство, что Кнут, глядя на него, отвёл взгляд и уставился в тарелку. Что-то кольнуло его изнутри, и он не стал разбираться, что именно, потому что копаться в душе не умел и учиться не собирался.

После ужина Кирюха завалился на диван и уснул мгновенно, с пультом от телевизора в руке. Дионисий убрал со стола, вымыл тарелки, и всё это время Кнут следил за ним краем глаза.

— Добрая трапеза, — сказал Дионисий, вытирая последнюю тарелку. — А ты хороший повар.

— Я много чего хороший, — буркнул Кнут. — Повар, слесарь, сварщик, и... специалист по замкам.

— И ещё ты хороший человек, — тихо добавил Дионисий. Кнут посмотрел на него, хотел было огрызнуться, но не стал. Отвернулся к окну и молчал, пока Дионисий не ушёл в комнату.

Потом Кнут налил себе ещё виски, сел в кресло у панорамного окна и смотрел на тёмный город. Где-то внизу бродили молчуны, а здесь, на верхнем этаже, тихо играл джаз, пахло домашней едой и розмарином, и всё это казалось настолько невозможным, что Кнут, опустив глаза, вдруг ущипнул себя за руку, не сон ли.

Глава 5

Пока ждали Тимура, мне уже успели скрутить руки за спиной верёвкой. Рыжий стоял в трёх шагах от меня и ухмылялся, нагло глядя прямо в глаза. Того испуганного парня, что я спасал на разоренной улице от молчунов, больше не было. Марк уже не сутулился, наоборот, стоял, расправив плечи и задрав подбородок. Рядом с legionерами Рыжий чувствовал себя в безопасности. Реабилитировался за свой побег, сдав меня и такой паскудной ценой получив обратный билет.

«Вот же сволочь... — подумал я. — Ну ничего. С тобой мы ещё поговорим».

Послышались уверенные шаги, и из темноты вышел подтянутый мужик средних лет, в безупречно подогнанном камуфляже и черных берцах. Первое, что бросилось в глаза — его белозубая улыбка. Улыбается, подумал я, будто к нему друг пожаловал.

— Ну, здравствуй, Беркут, — проговорил он, улыбка на его лице смотрелась холодной, как клинок. — Зачем пожаловал к нам? Да ещё в такое позднее время?

Встал здешний главарь передо мной, заложив руки за спину, слегка покачиваясь на носках, и ждал ответа. Я промолчал.

— Значит, не хочешь отвечать? — он окинул меня оценивающим взглядом, немного помедлил и продолжил: — Да,

понимаю. Обстановка не располагает. Предлагаю пройти ко мне в кабинет и там обстоятельно потолковать. Ты мне расскажешь, с чем пожаловал, а я подумаю, как мы дальше поступим.

Он картинно протянул руку в сторону административного здания в приглашающем жесте и даже отошёл чуть в сторону, давая мне пройти.

«Сама любезность, — усмехнулся я, но вслух ничего не произнёс. — Ну ничего, сейчас ты ведь всё равно покажешь свои зубы. Свои ослепительные белые зубы».

Двое конвойных как по команде взяли меня под руки и повели. Я шёл и попутно считывал обстановку: прикинул, сколько шагов от корпуса номер шесть до административного здания, так, на всякий случай. Отметил, где стоят караульные, где горят фонари, а где участки без освещения.

Мы вошли в здание. Кабинет Тимура оказался просторным. В центре добротный деревянный стол, возле него — обитое матовой кожей кресло с резными подлокотниками. На стене висел намалёванный от руки плакат: «Легион — закон. Легион — порядок. Легион — будущее». На столе — исчерканная красным маркером карта окрестностей, рация, пепельница с тремя окурками и настольная лампа. Рядом старый, советской выделки графин с водой из толстого стекла и два стакана.

Тимур плюхнулся в кресло и вальяжно откинулся на спинку, пристроив ногу на ногу. Я стоял перед ним со связанны-

ми за спиной руками, а двое легионеров вышли и явно остались дежурить за дверью.

— Ну, — сказал Тимур после паузы, — продолжим нашу беседу. Я повторяю свой вопрос: зачем ты сюда пришёл?

Он проговорил это ядовито, при этом улыбка ни на мгновение не покидала его лица.

— Хотел поискать провизии, — сказал я. — Не жрал уже два дня.

— Врешь, — Тимур прищурился. — Я прекрасно знаю, кто ты такой и зачем сюда пожаловал. Марк мне всё уже рассказал.

— Успел, значит, сучонок, — ухмыльнулся я. — Зачем тогда спрашиваешь, раз и так знаешь?

— Хотелось услышать от тебя. Твою, так сказать, версию. — Тимур подался вперёд, положил руки на столешницу, сцепив пальцы. — Знаю, что обосновались вы в дачном посёлке. Знаю, что людей у тебя с гулькин нос: один с карабином, девка с битой да старик с ружьём. Знаю ещё, что у тебя достаточно припасов: еда, машина, оружие. Вы неплохо устроились для такой мелкой кучки. И знаешь что?

Он сделал паузу и ткнул пальцем в мою сторону.

— Завтра всё это будет моим. А твоих людей мы приведём сюда и сделаем работниками. Будут трудиться на благо Легиона. Людей нам не хватает, руки нужны всегда.

Я стиснул зубы. Сука рыжая, сдал же нас буквально с потрохами.

Тимур встал из-за своего стола и медленно подошёл ко мне, оглядывая с ног до головы.

— А ты непрост, — сказал он. — Дай угадаю. Боевой офицер в прошлом?

Я проигнорировал вопрос.

— Можешь не отвечать. Это не имеет никакого значения. Да, ты мог бы быть полезен нашей общине. — Он на секунду замолчал. — Но слишком опасен. Непредсказуем. А нам рисковать ни к чему. Поэтому вряд ли ты здесь долго протянешь.

Он стоял на расстоянии вытянутой руки. И я воспользовался моментом — со всей силы пнул его в живот.

Тимур охнул, скрючился, хватая ртом воздух. По инерции сделал пару неуверенных шагов в сторону стола, неудачно махнув рукой, зацепил стоявший на нём графин с водой. Тот рухнул на пол, брызнув крупными осколками. Я не мешкал. В ту же секунду дёрнулся к Тимуру, пытаюсь зацепить связанными руками висевший у него на поясе нож. Пальцы коснулись рукояти, скользнули по ней, но хват не получился — чертова верёвка не давала согнуть кисть.

Тимур оказался сильнее, чем я думал. Быстро оправился от удара, выпрямился, ещё не отдышавшись, и коротко двинул мне в челюсть кулаком. Из глаз будто бы посыпались искры, колени подогнулись, но я устоял.

На шум в комнату тем временем влетели legionеры, караулившие за дверью.

— Уведите его, — гаркнул Тимур, глаза его злобно сверкали. Он больше не улыбался.

Меня подхватили под руки и потащили к выходу.

«Хотя бы мне удалось стереть эту поганую улыбку с его лица», — усмехнулся я мысленно.

— И ещё, Беркут, — сказал Тимур, когда я был уже в дверях. — У меня для тебя приготовлен сюрприз на завтра. Думаю, тебе понравится. Увидимся!

— Люблю сюрпризы, — процедил я и плюнул.

Меня вывели из здания, протащили через двор и спустили по бетонным ступенькам в подвал одного из хозяйственных строений. Подвал оказался маленьким, в одну комнатку, и сырым, с низким потолком — голый бетонный пол и серые стены. Внутри не было ничего. Даже вшивой подстилки на ночь. Да ещё и плесенью воняло.

— Устраивайся поудобнее, — заржал один из конвойных, здоровенный бугай с белёсыми патлами и клочковатой щетиной.

Они зашвырнули меня внутрь. Не удержавшись, я упал на пол, больно приложившись плечом о бетон.

Бугай пошарил в кармане, достал маленький, буквально умещавшийся на ладони предмет, наклонился и поставил его у входа.

— Вот, держи. Тимуру ты пока нужен... живым.

Когда дверь захлопнулась, а шаги legionеров затихли на лестнице, я в крошечной темноте подполз к выходу, нашу-

пал оставленный мне предмет. Это оказался метроном. Я завел его, и механизм принялся исправно отбивать ритм.

Я сидел на холодном бетоне со связанными руками, слушал тиканье метронома и думал о Тимуре и его завтрашнем «сюрпризе». Затем мысли переключились на товарищей, оставшихся на даче. Закусил губу: их-то даже некому предупредить о нападении. Тимур сказал, что отправит за ними своих людей и приведёт сюда. Надо что-то предпринять... Но как?

Метроном тикал. Тик-так, тик-так.

Я закрыл глаза... Нужно поспать, на завтра нужны силы.

* * *

Тимур по-прежнему сидел в своём кресле и смотрел в темноту за окном. Рука лежала на животе — пнул-таки этот Беркут крепко, и хозяин легиона уже минут двадцать машинально потирал ушибленное место. Опасный мужик. С таким нужно решать быстро. Ну ничего, до завтра, а там уж у него будет последний день жизни. Тимур всё продумал до мелочей.

В дверь робко постучали.

— Разрешите? Вызывали?

В дверной проём просунулась конопатая физиономия Марка.

— Заходи, — бросил Тимур.

Марк неуверенно вошёл, остановился посреди комнаты,

нервно перебирая пальцами и переминаясь с ноги на ногу.

— Да садись ты уже, — сказал вожак, поморщившись, и кивнул на стул.

Марк сел на краешек, выпрямил спину, но ноги поставил криво, и колени дёргались. Руки сначала положил на колени, потом убрал, потом снова положил.

Тимур помолчал, мягко побарабанил пальцами по столешнице. Потом заговорил.

— В общем, дело такое. Надо навестить друзей Беркута. Заберём всё, чем там можно поживиться. Ты же говорил, у них там неплохие припасы?

— Да, да, — закивал Марк. — Очень даже неплохие. Хороший пикап, полный погреб консервов, крупы, вода в бутылках. Из оружия — три ружья и карабин. И ещё лекарства, целая коробка, они из города натаскали.

Хозяин кабинета не стал даже кивать.

— Сколько людей? — еще раз уточнил он, делая ударение на этом последнем слове.

— Я же говорил... четверо. Девчонка с битой, Искра её зовут, бойкая, но не стрелок. Старик с двустволкой — Ефим, местный. Ещё один мужик, Филин, тот серьёзный, с карабином, бывший охотник, наверное. И раненый, парень какой-то, он лежит, не встаёт, ему совсем плохо. Они его называют Мастером, этот вовсе не опасен.

— Покажи на карте дом, — Тимур властно кивнул на стену, где висела карта города и окрестностей.

Рыжий подошел ближе, посопел, почесал затылок и беспомощно развел руками.

— Я не знаю... Я так смогу показать, а на карте... Ну, может, здесь... или здесь. Простите, не знаю.

— Ну так вот, — проговорил Тимур, откинувшись в кресле. — Мы дождёмся возвращения Лешего. Он с группой должен прибыть завтра, ближе к вечеру. Это самые лучшие мои люди, чтобы не рисковать, пойдут именно они. А ты будешь показывать дорогу.

— Да, да, конечно, — поторопился заверить Марк.

— Уверен, что найдёшь?

— Найду. Я запомнил дорогу. Только... зачем ждать до вечера? У вас же много бойцов, — спросил Марк и тут же прикусил язык, поняв, что сказал уже что-то лишнее.

Что, он не знал и не успевал задумываться, но по лицу Тимура видел — не стоило.

— Затем, — твёрдо сказал тот, посмотрев на парня исподлобья, — что это лучшие. Чтобы всё прошло чётко, мы должны отправить именно их. Леший знает, что делает, его люди работают слаженно. Один промах, один лишний выстрел, набегут молчуны, а вместо припасов мы тогда получим гору трупов, потерь среди наших людей. Поэтому ждём Лешего. Вопросы?

— Нет, — быстро сказал Марк. — Никаких вопросов.

— Вот и хорошо. Сможешь нарисовать мне схему их дачи?

— Да, попробую, — снова та же неуверенно ответил Марк.

Тимур, раздражённо скривившись, протянул ему карандаш и лист бумаги. Марк подтянул стул ближе к столу и принялся усердно чертить. Линии у него выходили кривые и кособокие, но расположение было понятным.

Тимур смотрел, как рыжий чертит, и думал о Беркуте. Тот сейчас лежит в подвале на бетонном полу и слушает тиканье метронома. Явился ночью, один, через забор, снял караульного и вырубил бойца у барака — и всё без звука вышло. Подготовка военная, это видно — спецназ или что-то подобное. И пришёл он сюда не за провизией, как брешет, а за врачом, как и сказал Марк.

Но внутреннее чутьё подсказывало, что не только за этим. Да и Марк рассказал далеко не всё. Рыжий трусоват, болтлив, но ещё и хитёр, так что наверняка придержал часть информации, чтобы оставаться нужным. Пока он нужен — он жив, а станет ненужным — и зачем его кормить? Это он верно понял, Тимур и сам так рассуждал.

— Вот, готово, — Марк протянул ему лист. — Я всё подробно начертил. Это дом, это сарай, тут пикап стоит, тут погреб, тут забор, а вот здесь мы заезжали с дороги.

Чуть приподнявшись с места, он торопливо тыкал в схему пальцем, поясняя свои обозначения.

Тимур взял лист, бегло посмотрел, сложил вдвое и убрал в ящик стола. Всё это время рыжий так и стоял, скрючившись,

будто ждал, что ему вернут лист и скажут переделывать, но и снова сесть не решался.

— Ладно, — сказал он. — Иди спать. Завтра у тебя длинный день.

Марк вскочил, кивнул и потянулся к двери.

— И ещё.

Рыжий обернулся.

— Ты хорошо поработал, — Тимур улыбнулся своей фарфоровой улыбкой. — Я это ценю. Доказавшие преданность Легиону всегда получают заслуженное вознаграждение.

— Спасибо, — выдохнул Марк, и лицо у него просветлело.

Он вышел и осторожно прикрыл за собой дверь. Тимур перестал улыбаться. Посидел так с минуту, поглаживая подбородок. Потом снова достал из ящика нарисованную Марком карту, развернул и стал изучать её заново, теперь уже делая пометки красным маркером.

* * *

Кира сидела на колченогой табуретке и скоблила тупым ножом картофелину, выковыривая из неё глазки. Картошка была мелкая, корявая и невероятно «глазастая», пока выковыряешь все, половину клубня срежешь.

— Ну и горох, — прошипела она, кинув очередную угловатую и будто погрызенную после чистки картофелину в кастрюлю и утирая выступивший на лбу пот тыльной стороной ладони.

День выдался жаркий, и сегодня Киру поставили на кухню, помогать поварам. Летняя кухня в «Буревестнике» стояла прямо во дворе: здоровенный чан на кирпичной кладке, под ним — открытый огонь, и жар шёл такой, что дольше получаса рядом не выдержишь. Электрическими плитками не пользовались, генератор пионерлагеря и без того еле тянул.

Рядом крутилась повариха — полноватая тётка с большим красным носом и вечно мокрыми натруженными руками. Представлялась она как Зинаида Петровна, но все, включая легионеров, называли просто Зинка.

— Давай живее, — поторапливала она Киру. — Обед надо готовить, а ты там всё возишься.

— Да ты посмотри, какая мелочёвка, — Кира подняла очередную картофелину с грецкий орех размером. — На такую ораву я долго буду чистить.

— К полудню обед должен быть готов, — сказала повариха. — Так что не ной, а пошевеливайся.

— Я и не ною, — вздохнула Кира, разогнула затёкшую спину и поморщилась. — И вообще. Устала я. Жарко, невозможно. И так солнце палит, да ещё возле огня сижу, взмокла уже вся. Сейчас дочищу и немножко пройду, передохну.

— Ишь ты, — повариха упёрла руки в бока. — Устала она. Тебя бы вон ров копать отправить, посмотрела бы я тогда, как ты запоёшь.

— Ой, ну что ты такая вредная, — Кира закатила глаза. — Тебе, что ли, так нравится вкалывать? Говорю же, жар-

ко, голова кружится. Мне бы воздухом подышать, пройтись немного. Что, жалко, обеднеешь?

Повариха набрала воздуха, чтобы ответить, но Кира её опередила. Хитро прищурилась и добавила, понизив голос:

— А если не отпустишь, расскажу Тимуру, как ты тут консервы тыришь.

Повариха изменилась в лице, глаза испуганно забегали. Она даже поглядела по сторонам — нет ли кого поблизости. Подскочила к Кире.

— Что ты такое мелешь-то! — испуганно закудаhtала она. — Да чтоб я... Да я никогда!

— Ой, ладно, — махнула рукой девчонка. — Видела я, как ты позавчера после смены тушёнку прятала, могу показать, где лежит...

— Ладно, чёрт с тобой, — торопливо перебила её повариха. — Иди, пройдишь. Только сначала картошку дочисть.

Зина развернулась, закинула на плечо кухонное полотенце и ушла внутрь помещения, бормоча себе под нос что-то про нынешнюю молодёжь.

Кира усмехнулась. С Зинкой по-другому нельзя. Тётка была въедливая и горластая, если её не прижать — загоняет до седьмого пота, да ещё и пожаловаться может, если что-то ей не по нраву, а то и на ровном месте. Да и консервы повариха действительно прятала — Кира видела, как та сунула три банки тушёнки за мешок с крупой в подсобке. На чёрный день, видимо. Или на обмен, потому что в лагере за

банку тушёнки можно было выменять что угодно, от сигарет до тёплых носков.

Кира дочистила последнюю картофелину, раздраженным щелчком закинула её в кастрюлю к остальным, вытерла руки о фартук и встала. Подрыгала затёкшими ногами, потянулась, хрустнув позвонками, и зашагала прочь от кухни, подальше от жара и чада.

Территория лагеря была большая, и в глубине её, за бараками и хозяйственными постройками, сохранились остатки сквера, где свесили ветви старые берёзы, зеленели сирени и акации, терялись в бурьяне одичавшие клумбы. Всё заросло травой, кустарник продрался через дорожки, вздыбив плитки, и бывшие аллеи превратились в непролазные заросли.

Кира медленно прохаживалась среди деревьев, и со стороны казалось, что она просто гуляет, отдыхает от работы. Но глаза её внимательно шарили по зарослям, и она то и дело наклонялась, рассматривая что-то у себя под ногами.

Вот девушка ещё раз нагнулась, сорвала какое-то растение. Повертела в пальцах, понюхала, будто пожевать собиралась от скуки. Потом сунула в карман фартука. Прошла дальше, нагнулась снова — подцепила ещё одно. И ещё. Так у неё потихоньку набрался пучок стеблей с мелкими листочками и жёлтенькими цветками.

Пора было возвращаться. Повариха будет опять гундеть, а ещё хуже — пожалуется Тимуру, а это Кире совсем ни к чему. Тот пока не обращал на неё своего высочайшего вни-

мания, и Кира хотела, чтобы так было и дальше.

Глава 6

Проснулся я разбитым. Голова трещала, ведь метроном то и дело приходилось заводить. Если он остановится, в подвале наступит тишина, и от этой мысли я дёргался и просыпался, снова нащупывал в темноте пластиковый корпус, крутил ключик, пока пружина не упиралась, и снова ложился на бетон, слушая тиканье. И так всю ночь.

Сколько времени я провёл в камере, понять было невозможно — ни окон тут, ни щелей, темнота глухая. По ощущениям, прошло часов десять-пятнадцать, может, больше. Руки затекли, потому что на ночь их никто не развязал, и пальцы распухли и посинели, и даже чтобы завести метроном, приходилось выворачивать кисти. К утру руки онемели полностью, я перестал их чувствовать.

Наконец, дверь в «камеру» лязгнула и открылась. Вошёл Тимур в сопровождении двух легионеров. Он снова нацепил свою улыбку на физиономию и торжественно произнес, хлопнув ещё для эффекта в ладоши, словно артист на сцене:

— Я вчера обещал тебе сюрприз! Идём за мной, он уже ждет тебя.

Легионеры тоже вошли в камеру, я встал сам, не дожидаясь, пока они поднимут меня на ноги, и шагнул в сторону двери. По бокам тут же расположились конвойные, видно, чтобы я вдруг не вздумал выкинуть какой-нибудь фокус.

Мы вышли наружу.

Солнце клонилось к горизонту. Закат. Значит, уже вечер, и я провёл в подвале почти сутки.

Мы миновали несколько жилых бараков и вышли к футбольному полю, которое тут использовали под полигон. Там уже толпился народ: мужчины и женщины, лишь некоторые с детьми, а стариков вообще практически не было. Очевидно, от них избавлялись сразу, чтобы не кормить бесполезный контингент. Тут же и вооруженные до зубов легионеры в форме. Всего человек сто, не меньше. Ого... Что за собрание?

На поле, прямо по центру, на скорую руку смастерили подобие арены: вкопали столбы, растянули между ними высокую металлическую сетку. Получился квадрат утоптанной грязной земли десять на десять, и вся масса людей толпилась вокруг него, чуть поодаль.

Меня подвели к конструкции — очевидно, это была арена. Сам Тимур поднялся на сколоченный деревянный помост у ближнего края, оглядел толпу и произнес зычным голосом:

— Приветствую вас! Сегодня вечером у нас состоится кое-что особенное. Жизнь сейчас небогата на радости, развлечений нет, и вот мы решили в нашем поселении это исправить.

Он сделал паузу и обвёл толпу взглядом. Люди молчали и переглядывались. Все были насторожены, никто не знал, чего еще можно ожидать от главы Легиона.

— Заодно, — продолжил Тимур, — я хочу, чтобы каждый понял и раз и навсегда уяснил, что грозит тем, кто пытается идти против Легиона.

Он снова замолчал, теперь уже на несколько секунд. В этот момент к арене подвели худосочного мужика лет тридцати с небольшим. Свалявшаяся бородёнка, бегающие испуганные глаза, связанные за спиной руки. Несчастного, что всё озирался и дёргался, двое легионеров буквально тащили под руки, потому что ноги у него подкашивались на каждом шагу.

— Посмотрите на этого человека, — крикнул Тимур, ткнув в него пальцем, — Позавчера ночью он пытался сбежать. Но, как видите, безуспешно. И я хочу, чтобы вы знали: то, что с ним сейчас произойдёт, произойдёт и с любым из вас, кто попытается бежать.

По толпе прошелся испуганный ропот. Кто-то попятился, но сзади стояли легионеры и никому не давали уйти.

Мужику развязали руки и толкнули в центр арены через калитку. Он стоял на утопанной земле, испуганно озираясь по сторонам, и потирал затёкшие запястья.

И тут из-за одного из корпусов вывели его...

Крупная широкоплечая тварь мужского пола, с разбитыми в кровь руками и грязными ломаными ногтями. На голове у молчуна был мешок из мешковины, и двигался он спокойно, почти покорно, только голова поворачивалась из стороны в сторону, прислушиваясь к звукам. На шею была на-

кинута длинная верёвка.

Я пригляделся и понял: когда молчуны ничего не видят, они ведут себя смирно. Не видят — значит, не реагируют на движение. Остаётся слух, но если вокруг нет резких звуков, тварь стоит на месте. Это определённо надо запомнить. Может пригодиться.

Легионер подтащил молчуна к арене и закрепил конец верёвки на вкопанном столбе на краю ограждения. Завязал на несколько узлов, подёргал, проверяя. Длину верёвки рассчитали точно — я прикинул на глаз: метров восемь, может, девять. Хватит, чтобы тварь могла свободно перемещаться по всей арене, но за ограждение не выйти.

По периметру встала охрана с ружьями и карабинами.

Мужик в центре арены увидел молчуна и побелел. Ноги у него подогнулись, он попятился, споткнулся и чуть не упал. — Нет, — сказал он. — Нет, пожалуйста, не надо...

Легионер у столба одним движением сдёрнул мешок с головы молчуна и быстро выскочил. Калитка за ним захлопнулась, оставив молчуна внутри арены.

Тварь замерла на секунду. Повела головой, моргнула. Пустой мутный взгляд, разинутый в оскале рот. А потом его глаза, наконец, сфокусировались на потенциальной жертве, которая издавала всхлипывающие звуки, и тварь рванулась вперёд, ещё шире открыв рот и растопылив скрюченные пальцы.

Мужик закричал и метнулся в сторону, но арена была ма-

ленькая, бежать некуда. Он кинулся к ограждению, попытался перелезть — тут же легионер с той стороны ткнул его прикладом в грудь через сетку, и мужик отлетел обратно, прямо под ноги твари.

Всё дальнейшее заняло секунд десять, может, пятнадцать. Молчун навалился на жертву, худой попытался закрыться руками, вжал голову в плечи, но грязные скрюченные пальцы молчуна были сильнее — они уже рвали одежду, кожу, мышцы. Несчастный кричал, хрипел, дёргался, но в какой-то миг крик резко оборвался.

Люди стояли и смотрели на то, что осталось от беглеца, оцепенев от ужаса. Никто не шелохнулся.

Молчуна, дёрнув за верёвку, оттащили в сторону и снова накинули на голову мешок. Тело убрали с арены, двое рабочих просто отволокли его за ноги прочь, и на утопанной земле теперь пролежала тёмная влажная полоса.

Тимур в этой тишине медленно и властно поднял руку.

— Я надеюсь, что урок усвоен, — крикнул Тимур с поста. — Бежать отсюда бессмысленно. Попытка побега карается смертью. Без исключений. Но...

Он сделал выжидающую паузу. Игра на нервах публики явно доставляла ему удовольствие.

— Шоу еще не окончено! Следующим будет биться вот этот человек! — он ткнул в меня указательным пальцем. — Он проник к нам в лагерь ночью. Убил наших людей. Как говорится, око за око.

Толпа зашевелилась.

Меня подтолкнули к арене. Один из легионеров перерезал верёвку на моих запястьях, и я несколько секунд стоял, сжимая и разжимая онемевшие пальцы, разгоняя кровь. Руки, которые я ещё секунду назад не чувствовал совсем, сейчас еле шевелились, но кровь уже начала приливать, пальцы покалывало и жгло.

Меня толкнули за ограждение. Мешок с головы молчуна снова сдернули, ослабили веревку.

Получив свободу действий, тварь без промедления рванула прямо на меня.

Я ждал этого. Отскочил вправо, пропуская молчуна мимо себя, и тот пролетел по инерции несколько метров. Молчуны ведь не умеют менять направление на бегу, идут по прямой напролом, и если вовремя уйти в сторону, они так и проскакивают мимо. Это я заметил ещё в городе, когда дрался с ними на улицах.

Молчун, не увидев цели, повернулся и кинулся снова. Я теперь не стал уворачиваться — шагнул навстречу, поднырнул под его растопыренные руки и ударил ребром ладони по горлу, в кадык. Тварь захрипела, дёрнулась, но не остановилась — схватила меня за плечо и потянула к себе, пытаясь раздавить в медвежьих объятиях. Я чуял его зловонное дыхание. Упёрся рукой в подбородок, отжимая голову, одновременно ногой ударил под колено и ещё толкнул. Молчун потерял равновесие, но не отпустил, и мы оба рухнули на

землю.

Я оказался сверху. Молчун бился подо мной, скрёб ногтями по моим рукам, царапая до крови, пытался добраться до горла, но я прижимал его голову к земле предплечьем, навалившись всем весом. Свободной рукой нащупал на земле камень — острый кирпичный осколок. Поднял и с размаху ударил молчуна в висок. Раз. Другой. Третий. Череп хрустнул, тварь дёрнулась и обмякла.

Я поднялся. Руки в крови, рубаха порвана, на руке почти до плеча глубокие царапины.

По рядам прошёл шёпот.

Тимур же всё ещё стоял на помосте и смотрел на меня. Улыбки на его лице, правда, уже не было. Он что-то тихо шепнул стоявшему рядом легионеру — поджарому мужику с клочковатой щетиной и ежиком на голове.

Тот наклонился к уху Тимура и сказал негромко, но я слышал, потому что стоял близко:

— Зачем сразу трёх? Достаточно двух.

— Так будет наверняка, — ответил Тимур, не поворачивая головы. — С тремя он точно не справится. А с двумя — может.

Тот пожал плечами и отошёл.

Через пару минут к арене вели уже троих молчунов с мешками на головах и верёвками на шеях. Их привязали к разным столбам, чтобы верёвки не путались, и я понял: Тимур во что бы то ни стало хочет меня прикончить здесь и сейчас.

Пусть для этого потребуется выпустить стаю молчунов. Хотя вряд ли у него столько найдется в арсенале.

Легионеры одновременно сдёрнули мешки с их голов. Все трое увидели меня одновременно, и вот три тела рванулись вперёд.

Я не стал ждать, пока они добегут. Скачками пошёл к ближайшему столбу, схватился за верёвку и дёрнул — привязанный к столбу молчун захрипел, петля на шее затянулась, и тварь споткнулась, завалившись набок. Я перепрыгнул через неё, уходя от двух других, и оказался у ограждения.

Второй налетел на меня, и я встретил его ударом ноги в живот, но тварь не почувствовала боли и вцепилась мне в рубашу. Ткань затрещала, я вывернулся, оставив в его пальцах клочок, и ударил кулаком в ухо. Он мотнул головой, но не отпустил — потянулся ко мне снова. Я отшатнулся, но, споткнувшись о верёвку уже поднимавшегося с земли первого молчуна, упал на спину.

Третий молчун был рядом. Навалился сверху, грязные пальцы потянулись к моему лицу, к глазам. Я перехватил его запястье, вывернул, кость хрустнула, но тварь не реагировала на боль — второй рукой он продолжал тянуться к моему горлу. Я упёрся ногой ему в грудь, оттолкнул и в ту же секунду перекатился в сторону, уходя от уже вставшего на ноги первого.

Три на одного на десяти квадратных метрах. Сущая мясорубка. Но я дрался не первый раз в жизни, и дрался теперь

грязно.

Я схватил верёвку ближайшего молчуна и намотал на руку. Дёрнул что есть силы, и тварь полетела на второго, сшибив его с ног. Пока они барахтались на земле, запутавшись в веревках, я набросился на третьего. Ударил кулаком в горло, потом в висок, потом, когда тварь осела, схватил за голову обеими руками и с силой крутанул. Шейные позвонки хрустнули, молчун обмяк.

Двое оставшихся поднялись и кинулись на меня враз с двух сторон. Я пригнулся, и они столкнулись друг с другом, сцепились, на секунду перепутав, кто враг, а кто свой. Я же за эту секунду вскочил, выхватил из кармана тот же кирпичный обломок и бросился к ближайшему. Ударил в затылок, раз, другой – тварь рухнула. Последний молчун, выпутавшись из веревок, развернулся ко мне, я с разбегу сшиб его с ног, навалился сверху, прижал к земле и молотил обломком кирпича по голове, пока тот не перестал шевелиться.

Я поднялся. Стоял на арене, весь в крови — своей и чужой, — и тяжело дышал. Руки тряслись, да и ноги тоже, в глазах двоилось, но я стоял.

На несколько секунд воцарилась тишина.

Потом кто-то в толпе хлопнул в ладоши. Один раз, робко, коротко. И ещё. И ещё. Через пять секунд хлопала уже половина толпы, и это не легионеры — хлопали пленные рабочие, женщины, те, кого сюда согнали смотреть на казнь, а вместо казни позволили увидеть, что тварей можно убить

голыми руками.

Тимур стоял на помосте, стиснув челюсти. Видно было, что такого он не ожидал.

К нему подошёл Леший.

— Ну и что будем делать? — спросил он тихо. — Я предлагаю его прикончить, тут же.

— Нет, — сказал Тимур.

— Но почему? Иначе...

— Да потому что народ взбунтуется, — оборвал Тимур. — Ты слышишь? Они хлопают. Если мы его сейчас убьём, Беркут станет для них героем. Они запомнят, что он победил, а мы его всё равно убили. Он станет для них символом, а этого допускать нельзя.

— Тогда что делать? — спросил Леший.

Тимур помолчал, глядя на меня. Потом сказал:

— У меня есть план получше.

Толпа к тому времени уже начала волноваться.

— Он ведь победил, — послышался робкий голос. — Что вы собираетесь с ним делать?

— Да, — поддержал второй. — Вы должны его отпустить. Он ведь победил в честном поединке!

— Да не таком уж и честном. Трое на одного. — Голоса становились все увереннее.

Люди начали волноваться и кричать. Но Тимур поднял руку, и народ замолчал.

— Беркут победил! — крикнул он. — Вы правы, как по-

бедителя мы должны его отпустить. В скором времени.

«В скором времени» — я отметил эти слова. Не «сейчас», не «сегодня», а, сука, в скором времени. Хотя на что я надеялся... отпускать меня он, конечно, не собирался.

Мне снова скрутили руки перед собой веревкой и повели обратно в подвал. По дороге я заметил лица в толпе. Люди смотрели на меня уже не как вначале, как на любого незнакомца, теперь в их глазах читалось участие.

Меня увели вниз, даже придержали, пока я шагал по ступенькам. Теперь legionеры вели себя со мной осторожно, не позволяя себе лишних вольностей. Больше никаких пинков и тычков.

Первым делом, оказавшись в камере и скользнув по помещению беглым взглядом, я заметил, что метроном исчез.

Я обернулся. На пороге стоял сам Тимур, один, без сопровождения. На лице злая мстительная улыбка.

— Ты победил, верно, — сказал он. — Но попробуй переживи сегодняшнюю ночь. В полной тишине. Без этой тикалки. Завтра утром ты превратишься в такого же голозадного молчуна. И я лично тебя прикончу на глазах у всех. Пусть посмотрят на своего героя. Вот тогда и посмотрим, кто победитель.

Он развернулся и вышел. Дверь с грохотом захлопнулась. Лязгнул засов. Шаги на лестнице постепенно удалялись.

Стало совсем тихо. Метроном забрали, звуков музыки из репродуктора здесь не слышно, это глухой бетонный мешок,

и я один внутри.

Я сел, привалившись спиной к холодной стене. Всё тело болело после схватки. Я был вымотан до последней жилки. Четвёртый молчун на арене, возможно, убил бы меня даже и в одиночку, потому что после третьего я еле стоял на ногах.

Но хуже усталости была тишина. Обращение происходит во сне, в полной тишине. Я должен был не спать. Всю ночь, до утра, а может, и дольше, до тех пор, пока кто-нибудь не откроет дверь и звук засова не разобьёт тишину. Для этого нужно было чем-то занять голову, потому что тело уже отказывало.

Я стал напрягать память. Вспоминал количество шагов от подвала до кабинета Тимура — восемьдесят семь, я считал. Представил вышки по периметру — четыре на южной стороне, и ещё столько же, наверное, на северной. Стал прикидывать расстояние от забора до ближайшей кромки леса. Вспоминал схему Марка — бараки, медпункт, столовая, административное здание. Думал о Лиле, о Борисе и Кире. Потом мысли переключились на своих — завтра за ними придут легионеры, если еще не пришли.

Глаза закрывались, голова гудела. Я тряс головой, щипал себя за бок, прикусывал щёку изнутри до крови, но веки тяжелели с каждой минутой. Мысли расплывались, я уже не помнил, о чём думал секунду назад.

Голова клонилась. Я бил себя по щекам связанными руками, чтобы только не уснуть. Раз, другой, третий. Боль на

секунду помогала, но потом снова наваливалась тяжесть, и глаза слипались.

Не знаю, сколько я продержался. Два часа, может, три или пять. В темноте не поймёшь, сколько прошло времени.

Последнее, что я помнил, — как подбородок коснулся груди. Я дёрнулся, попытался поднять голову, но мышцы шеи не слушались, и глаза не открывались, а мысль — надо встать, пройтись — мелькнула и тут же пропала во тьме.

И я заснул.

Поваров подняли в пять утра.

Зинка злая и невыспавшаяся, вывалилась из барака, сунула ноги в резиновые шлёпанцы и побрела к летней кухне под навесом, ругаясь вполголоса и на ходу натягивая фартук. За ней тащились остальные работники столовой — две женщины и Кира.

Девушка сонно тёрла глаза и еле переставляла ноги. Ранний подъём был хуже любой работы, потому что ночью она почти не спала, ворочалась на жёстких нарах и смотрела в потолок. Все думала и думала... Решалась...

— Шевелись, — буркнула Зинка, подгоняя ее. — Рано утром отряд уходит на задание, Тимур сказал накормить до выезда.

— Знаю, — ответила Кира, а про себя подумала, что этот

тот самый отряд, что должен захватить группу Беркута. Ведь это именно он вчера так отважно бился в клетке. Кира сразу узнала его.

На летней кухне развели огонь под большим чаном, поставили воду. Кира чистила овощи, резала лук, помешивала варево деревянной ложкой. Работали молча, даже ворчливой поварихе было не до разговоров.

* * *

Тимур уже был на ногах. Он прохаживался по кабинету, заложив руки за спину, и размышлял. На столе развёрнута была карта.

В дверь постучали.

— Заходи, — бросил Тимур.

Вошёл Леший — в разгрузке поверх камуфляжа, с армейским ножом на поясе.

— Ну что, — спросил Тимур, — готовы выдвигаться?

— Машины готовы, баки заправили, личный состав я проверил. Ещё несколько минут и поедем, сейчас только позавтракаем. Беру с собой пятерых и рыжего. На джипах пойдем.

— Пятерых-то хватит?

— Хватит. Там плёвое дело. Группа у них маленькая, нас не ждут, бойцов среди них, похоже, вообще нет.

— Есть один, — сказал Тимур. — Там мужик с карабином, Филин, кажется. Рыжий сказал, что боец со стажем.

— Один — это не проблема, — Леший пожал плечами.

— Ты же знаешь моих, они не подведут.

— Людей брать живыми, — пояснил Тимур.

— Само собой. Не переживай, — Леший похлопал его по плечу. — Смотаемся туда-обратно, и всё будет тип-топ.

— Ладно, но вы там поосторожнее. И не задерживайтесь.

— Сделаем, шеф.

Выйдя от хозяина лагеря, Леший направился напрямиком в столовую. Там за столом все еще сидели двое, остальные уже позавтракали и готовились к выезду. По своему обыкновению, перед ответственным делом Леший предварительно хрюпнул полстакана водки и закусил маринованным огурцом. А потом посмотрел на наручные часы — позавтракать толком уже не успевает, пора выдвигаться. Да и не любил он трапезничать с утра. Сухпай всегда в машине имелся, лучше попозже перекусить на ходу.

— Через пять минут всех жду у машины, — сказал он своим, развернулся и вышел.

Нечего здесь долго прохлаждаться, надо было еще проверить автомобили и снаряжение.

Ровно через пять минут он уже сидел за рулем, нервно постукивая по нему пальцами, дожидаясь остальных.

— Черт... Да что с ними сегодня такое, как вареные мухи, — процедил он сквозь зубы, выбрался с водительского сиденья и направился к воротам.

В это время к нему уже спешил один из охранников, наблюдавший за периметром.

— Там двоим вашим плохо, — торопливо проговорил он, указывая рукой в сторону столовой.

Леший поспешил следом за ним.

Двое из группы — Марк и ещё один, здоровый жилистый мужик с татуировкой на шее, из группы Лешего, — сразу видно, едва сидели за столом. Марк держался за живот обеими руками и мелко трясся. Второй согнулся пополам и блевал в ведро, подставленное кем-то из поваров. У обоих рожи бледные, землистые.

— Что за хрень, — процедил Леший. — Чем вы их тут накормили?

— Да тем же, что и всегда, — Зинка развела руками. — Каша и тушёнка, всё из одного котла.

Этих двоих отправили в медпункт, отдав приказ поместить их на всякий случай в изолятор, который по настоянию Лили Тимур велел организовать на окраине лагеря — маленький фанерный домик для людей с признаками инфекции.

С каждой минутой пострадавшим становилось хуже. Рвота не прекращалась, пульс учащался. Лиля осмотрела их, пощупала животы, посчитала пульс и нахмурилась.

— Похоже на отравление, — сказала она Марии. — Вколи им противорвотное, внутривенно. Первым делом надо облегчить симптомы.

Мария кивнула, подошла к стеллажу с медикаментами и взяла ампулу. Набрала шприц, перетянула Марку руку жгу-

том, нашла вену и ввела препарат. Потом то же самое — та-
туированному.

Лиля уже собралась выйти из комнаты, но что-то ее остано-
вило. Она внимательно посмотрела сначала на полку, а за-
тем пустую ампулу в руке Марии. Присмотрелась. Тут же
схватила девушку за локоть и вывела из домика.

— Ты что это им вколола? — она тряхнула Марию, по-
прежнему не выпуская ее локоть.

Та замерла, посмотрела на ампулу в своей руке, потом на
Лилю.

— Ой. Я перепутала. Вот бестолковая-то.

Лиля взяла ампулу из её пальцев, прочитала надпись.
Внимательно поглядела на Марию. Та смотрела в ответ, и
глаза у неё были на удивление спокойные.

— Ты сделала это специально, — тихо сказала Лиля.

Мария вскинула на неё взгляд, и Лиля отступила на шаг.

— Да пусть они хоть все здесь передохнут, — прошептала
медсестра.

Лиля поспешно убрала ампулу в карман своего халата. За-
тем повернулась и пошла обратно к пациентам.

У Рыжего начались судороги, тело изгибалось в неесте-
ственной позе, пальцы скрючены, изо рта пошла пена. Вто-
рого тоже скрутило. Лиля стояла и смотрела. Могла попы-
таться еще что-то сделать: промыть желудок, поставить ка-
пельницу. Но она просто стояла и смотрела.

Через пятнадцать минут оба были мертвы. Марк умер

первым.

Мария убрала шприцы, вымыла руки и повернулась к Лиле.

— Я действительно перепутала ампулы, — сказала она ровным голосом. — Такое бывает. Стресс, недосып, плохое освещение.

— Бывает, — Лиля посмотрела на Марию и кивнула.

Они не успели перевести дух, как дверь медпункта распахнулась, и двое legionеров втащили ещё одного бойца из группы Лешего. Тот был весь зелёный, мокрый от пота, его тут же вырвало прямо на пол. Через несколько минут привели ещё троих — симптомы все те же.

Леший ворвался в медпункт следом.

— Что происходит? — рявкнул он. — Все мои люди свалились. Все, кто завтракал в столовой.

— Похоже на пищевое отравление, — сказала Лиля, осматривая очередного legionера. — Что-то в еде.

— В еде? Получается, их намеренно кто-то отравил?! Мою группу. Они завтракали раньше всех остальных, и еду им готовили отдельно.

Лиля только пожала плечами, всем своим видом давая понять — я здесь не следователь, я только лекарь.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.